

В л а д и м и р М о р о з

Рваные ДУШИ

Владимир Мороз

Рваные души

«Реноме»

2014

УДК 821.161.1-3
ББК 64(2Рос=Рус)6-44

Мороз В. В.

Рваные души / В. В. Мороз — «Реноме», 2014

ISBN 978-5-91918-381-5

Художественно-историческое повествование о жизни русского офицера, волею судеб оказавшегося в центре грандиозных событий, коренным образом изменивших историю некогда великой Российской империи. Первая мировая война, революция, Гражданская война — вот те великие вехи, через которые пришлось пройти главному герою, пытавшемуся не только сохранить свою душу, но и пронести сквозь все испытания настоящую, сильную, красивую, пусть и грешную любовь.

УДК 821.161.1-3
ББК 64(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-91918-381-5

© Мороз В. В., 2014
© Реноме, 2014

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Владимир Мороз

Рванные души

Всем пропавшим в смутное время посвящается...

Этьен снова увидел ее в этот дождливый парижский день, когда низкое серое небо окутывает вершину возвышающейся над городом башни. И кажется, что эта башня сама задерживает, цепляет своей остротой свинцовые тучи, не давая им уйти из города. Еще с утра моросил мелкий противный дождик, с севера дул промозглый ветер. В такую погоду даже не хотелось выходить из дома, не говоря уже о прогулке по городу. Малочисленные прохожие жались к стенам домов, надеясь там найти укрытие от мелких всепроникающих холодных капель. А она сидела на скамейке под небольшим зонтиком, и даже отсюда, через толстые окна кондитерской старого Бурже, было видно, что она вся промокла.

– Опять она там сидит, эта сумасшедшая, – проворчал старый Бурже. Это был старик лет шестидесяти. Полноват, как и любые кондитерщики, с практически лысой головой, обрюзгшим лицом и маленькими карими глазами, посаженными под седыми бровями. И к тому же ужасный ворчун, хотя такое количество сладкого должно было сделать его за эти годы добрее. А может быть, он так скучал по своей недавно умершей жене Луизе, что мир потерял для него все краски и он стал только обижаться на него, считая, что это несправедливо – умереть позже жены. Соседи говорили, что смерть жены сильно изменила старика. Когда-то он был веселым болтуном с пышной курчавой шевелюрой, который постоянно надоедал Луизе своими разговорами ни о чем. Она делала вид, что сердится, Бурже тогда замолкал, пытаясь припомнить, не ляпнул ли он что-то обидное, заставившее его любимую супругу обидеться. Через некоторое время Луиза подходила сзади и ласково обнимала своего не в меру разговорчивого мужа за плечи, прижимаясь к нему. Бурже понимал, что прощен, ласково улыбался ей и снова начинал болтать без умолку. Так повторялось каждый день много-много лет.

Эта старая кондитерская лавка как будто бы существовала здесь всегда. Даже старый Бурже уже не помнил, кто из его предков первый открыл ее. И никакие потрясения, ни войны,

ни революции не смогли помешать распространяться этому чудесному запаху утренних круасанов. И жители близлежащих домов были уверены, что пока их будит этот запах – в стране ничего совсем страшного не произойдет. Кондитерская Бурже, сама того не желая, стала символом спокойствия целого парижского квартала.

Можно сказать, что Луиза и Бурже являлись примером идеальной семьи, на которую хотели быть похожи многие. Оба очень любили своего единственного сына – Жерара, но их кровиночка Жерар сгинул в кровавой мясорубке где-то под Верденом. Это произошло в марте 1916 года, как раз в тот момент, когда русские нанесли свой отвлекающий удар около озера Нарочь в Белоруссии, и стало казаться, что самое страшное для французской армии уже позади и вот-вот станет легче. Об этом с надеждой писали все парижские газеты. Бурже и Луизе тогда показалось, что пройдет немного времени и их Жерар вернется. Бурже даже пытался на карте отыскать эту область Российской империи с таким необычным названием: Белая Русь и то самое озеро, где таким странным образом косвенно могла решиться судьба целой войны, но так и не нашел.

Но потом наступление русских выдохлось, в воздухе опять запахло человеческим горем, перемалывающим дивизию за дивизией в этой бессмысленной войне. И в начале апреля, когда молодая трава уже подросла, каштаны раскинулись зелеными листьями, готовясь зацвести белоснежными душистыми свечами, в дом Бурже постучал почтальон, принесший ужасную весть о смерти сына. Бурже так и не мог отыскать его могилу, когда наконец-то закончилась эта проклятая война. Целый месяц он ездил по тем местам, пытаясь разыскать хоть какую-то новость о сыне, получить хоть маленькую зацепку в своих поисках, колесил по стране ради встреч с немногими оставшимися в живых его сослуживцами. Но очевидцев смерти Жерара осталось очень мало. Кто-то говорил, что во время очередной бессмысленной атаки его скошил немецкий пулемет, а кто-то – что в Жерара попал артиллерийский снаряд. Но как бы там ни было, могилу сына он так и не увидел. От пережитого и начали у него выпадать волосы. Бурже помнил, что когда вернулся в Париж, то долго не решался войти в дом, чтобы не испугать своими безрезультатными поисками жену. Он стоял на противоположной стороне улицы, не решаясь сделать шаг к порогу. Он не знал, что Луиза видела его через чуть раздвинутые занавески и, как умная женщина, все сразу поняла. Так и стояли они друг против друга: он на улице, она в доме. Слез уже не было, все было выплакано еще после получения письма о гибели Жерара. Бурже простоял так не менее часа, пока сама Луиза не вышла на улицу и, как маленького ребенка, не повела его за руку в их ставший внезапно пустым дом. Они сели за стол в маленькой комнате и долго сидели не разговаривая. За годы семейной жизни они научились понимать друг друга без слов. Большая черная беда окутала их дом. Луиза так и не смогла пережить смерть сына. Она как-то быстро состарилась, и хотя продолжала точно так же заботиться о Бурже, но было видно, что силы постепенно покидают ее. Бурже всеми силами пытался утешить ее, стал даже болтливее в два раза, говорил без умолку, лишь бы Луиза хоть на немного отвлеклась от свалившегося на них несчастья. Но в душе он понимал, что его прекрасная и жизнелюбивая жена угасает и уже ничто не может ее спасти. Ближе к зиме она как-то тихо умерла. Бурже как обычно что-то ей рассказывал, стоя спиной, и вдруг необычно сильно заболело сердце, как-то внезапно, словно тысячи раскаленных иголок впились в него. Он замолчал, закрыл глаза и постарался дышать реже и неглубоко, потому что любое движение причиняло адскую боль слева. Он не хотел говорить Луизе ничего, делая вид, что занят чисткой прилавка. А когда боль прошла, он повернулся к жене, чтобы продолжить свою болтовню, и вдруг увидел, что она сидит уже мертвая. Стекланные глаза безучастно смотрели в пол. И только спинка стула удерживала ее от падения. В этот момент Бурже остро ощутил, что остался один...

Схоронив Луизу, Бурже взял в сиротском доме на воспитание мальчика, напомнившего ему Жерара своим спокойным и добрым поведением. Этьену в тот момент было уже десять лет. Отец у него, как и Жерар, погиб на войне, мать, не выдержав боли утраты, повесилась после

получения письма о смерти мужа. Этьен и его маленькая годовалая сестренка остались совсем одни. Им с сестрой очень повезло, что дальние родственники отца устроили их в сиротский приют. Война сделала такими же несчастными не одну тысячу детей, и те, кто не мог попасть в приют, пополнили многочисленную армию бездомных бродяжек, заполонившую всю Францию. Зимой сестра умерла от ангины, и Этьен остался совсем один в этом жестоком и несправедливом мире. Но сердце его так и осталось чистым, он не держал зла на жизнь, безропотно перенося ее тяжкие удары. Именно поэтому в награду за его долгие страдания жизнь подарила ему этого вечно брюзжащего Бурже, который стал для мальчика вторым отцом. Только Этьен знал, какая добрая душа скрывается за внешней неприязнью старика. Вот и сейчас, посмотрев на сидящую на скамейке молодую женщину, старик сказал:

– Сумасшедшая, так и заболеть недолго! Этьен, мальчик мой, сходи и пригласи мадам к нам в кондитерскую, пусть обсохнет и обогреется, пока не закончится этот мерзкий дождь.

Этьену ужасно не хотелось выходить на улицу, но просьбы Бурже он послушаться не смел. Он очень любил этого старика, и порой ему казалось, что это и есть его настоящий отец. Своего отца он уже почти забыл. Иногда тот приходил к нему во сне, говорил с ним, и утром Этьен просыпался на мокрой от слез подушке. Но это происходило все реже и реже. Мать или сестра практически не снились ему, хотя он и любил их не меньше. Он сам не мог объяснить себе почему. Но нужно было идти. Этьен набросил на плечи дождевик и, шлепая по лужам, пошел к скамейке, расположенной в маленьком сквере около кондитерской. Там сейчас сидела эта странная женщина. Когда Этьен подошел и остановился напротив нее, она лишь мельком окинула его взглядом и продолжила так же молча сидеть, глядя на ту сторону улицы, которая вела к вокзалу. Этьену удалось рассмотреть ее поближе. Это была довольно молодая женщина невысокого роста с приятным милым лицом, светлые волосы ее были собраны в пучок и спрятаны под модной светлой шляпкой. Ее большие зеленые глаза, в которых читалась тоска, по-доброму смотрели на улицу и были немного напряжены, словно она чего-то ждала. Одета она была в светлое пальто по сезону, на ногах черные туфли с серебристыми застёжками. Ее немного пухлые губки посинели от холода, лицо было блее обычного, но она не предпринимала никаких попыток спрятаться от дождя. Зонт, который женщина держала в руках, совсем не защищал ее от пронизывающего бокового ветра, ее руки в черных перчатках мелко дрожали. Она почему-то сразу показалась Этьену иностранкой. Он никогда не замечал во французских женщинах такой непонятно милой и доброй красоты.

– Добрый день, мадам, – поздоровался с незнакомкой Этьен.

Женщина перевела свой взгляд на Этьена. На ее лице отразилось удивление, но она ничего не ответила и снова стала смотреть на улицу, словно рядом никого не было. Этьен немного смутился, не ожидая такого.

– Добрый день, мадам, – повторил он более настойчиво.

Женщина посмотрела более пристально и немного спустя мягким и очень приятным голосом произнесла:

– Добрый день.

И снова уставилась на улицу, давая понять, что на этом разговор окончен. Этьен постоял немного рядом, не решаясь ничего ей больше сказать. «Действительно сумасшедшая, – подумал он, – прав был старик Бурже». Что-то остановило его, чтобы сразу же не развернуться и уйти назад, в тепло кондитерской. Наверное, это было чувство сострадания к этой милой женщине, которая вот так сидела и мокла под дождем и все ждала кого-то или чего-то. Он вспомнил, как ему после смерти матери приходилось просить милостыню, стоя около вокзала, и как сильно он мерз тогда, на холодном ветру, который пронизывал его насквозь. Он тогда очень боялся, что заболеет и не сможет раздобыть им с сестрой пропитание. Вот и сейчас чувство того холода не давало ему развернуться и уйти, оставив эту женщину сидеть здесь одну под морозящим дождем.

– Мадам, – снова начал он с достоинством, – мой хозяин Бурже просит вас не мокнуть и прийти к нам в кондитерскую, чтобы вы могли обогреться и немного обсохнуть. Он предлагает вам чашку горячего шоколада.

На этот раз женщина посмотрела на него с любопытством.

– Спасибо, – ответила она, – но я не могу. Вдруг он придет, а меня не будет на месте. И мы разминемся. А я этого не хочу.

– Вы кого-то ждете? – спросил Этьен. – Вы можете подождать его, сидя в кондитерской за столиком у окна. Вам все будет видно.

– Нет, нет, спасибо, вдруг мы разминемся, – торопливо произнесла женщина, словно напуганная мыслью, что ей придется оставить свое место, – а вы идите назад, не мокните. Спасибо, что проявили заботу обо мне, и передайте мою благодарность вашему хозяину. Не сомневаюсь, что он очень добрый человек.

На этот раз Этьен уловил в ее голосе нечто странное, практически незаметный акцент и, собравшись с духом, спросил:

– Мадам, вы не француженка?

Женщина повернулась к нему и, немного подумав, ответила:

– Нет, я из России. Идите, не мерзните.

Этьен понял, что она не пойдет с ним, и спросил, кого она ждет. Ему было это страшно любопытно. Он искренне не мог понять, кого можно ждать, сидя под дождем на мокрой скамейке. И почему это нельзя делать внутри кондитерской, как это сделали бы на ее месте любые благоразумные люди.

– Я жду, – женщина немного замялась, но затем тихим голосом уверенно ответила: – я жду мужа. Он обязательно скоро приедет, – вдруг торопливо, словно чего-то испугавшись и оправдываясь добавила она. – Ступайте, ступайте, – повторила она, – вы совсем замерзли, вон уже дрожите, – и она улыбнулась Этьену легкой и доброй улыбкой.

Этьен действительно только сейчас ощутил, что его уже знобит от холода.

– До свидания, мадам, – вежливо попрощался он и, развернувшись, пошагал в кондитерскую. Женщина ничего ему не ответила и перевела взгляд в сторону вокзала, где в этот момент раздался паровозный гудок, и, словно услышав нечто знакомое только ей, как будто тот, кого она ждала, должен был приехать именно этим поездом, заволновавшись, она вытащила из сумочки маленькое зеркальце и стала пристально рассматривать себя, поправляя вывалившиеся из-под шляпки волосы.

– Ну что там, почему она не пошла с тобой? – нетерпеливо спросил Бурже, как только за Этьеном закрылась дверь.

– Это русская, она ждет мужа, а он задерживается в России, – ответил Этьен, стараясь поскорее снять мокрый дождевик и промокшие насквозь ботинки, чтобы согреться.

– Что за дикая страна? – заворчал Бурже. – Что за нравы? Что за сумасшедшие люди? Сам, засранец, шляется непонятно где, а жена сиди, мокни, жди его. Не раздевайся, мой мальчик, – сказал он, немного подумав, – если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. Сходи, отнеси ей чашку горячего шоколада и самый свежий круассан, пусть погрееется немного изнутри.

Этьен поежился, надевать мокрый дождевик ужасно не хотелось, не говоря уже о мокрых ботинках и о том, что нужно будет снова выходить на улицу. Но он чувствовал, что этой женщине сейчас действительно не повредит глоток крепкого горячего шоколада, и поэтому безропотно стал натягивать на себя дождевик и, положив угощение на маленький поднос, пошел назад.

– Мадам, – сказал он, подойдя к женщине, – старик Бурже просил передать вам это, держите.

Этьен протянул ей чашку с горячим тягучим шоколадом и тарелочку с еще теплым круасаном. Женщина взглянула на него с непередаваемым удивлением.

– Вы так добры ко мне, юноша, – немного помолчав, сказала она. Какая-то неподдельная нежность была в ее голосе, Этьен смутился и, как ему самому показалось, покраснел. Он передал женщине чашку и блюдо и, уже уходя, сказал:

– Посуду оставьте на скамейке, я потом заберу.

– Большое спасибо за вашу доброту, – еще раз поблагодарила его женщина, Этьену даже показалось, что ее голос немного дрогнул, казалось, еще чуть-чуть и женщина заплачет. Он повернулся и быстрыми шагами пошлепал по лужам в кондитерскую. Зайдя, он увидел старика Бурже, стоявшего у окна и пристально смотревшего на скамейку и женщину на ней. Через некоторое время Бурже грустным голосом произнес:

– М-да... она приходит сюда уже несколько месяцев подряд каждую субботу. И уходит всегда одна, не дождавшись, чтобы в следующую субботу вновь занять свое место на этой деревянной скамейке. Вот это настоящая любовь! Господи, помоги ее мужу вернуться, – сказав это, он перекрестился. Этьену показалось, что в глазах старика блеснули слезы...

Глава 1

– Вольдемар, проснитесь, друг мой сердешный, нас ждут кровавые дела!

Владимир оторвал тяжелую голову от свернутой в скатку шинели, заменявшей ему подушку. За последнюю неделю он уже успел позабыть, что такое сон. Да и сном это назвать было трудно, это был провал бесконечно уставшего человека куда-то в пустоту. Скорее это можно назвать протестом самого организма на бесчисленные издевательства над ним, организма, который хотел просто немного восстановиться от постоянной усталости, недосыпа, нервного напряжения, когда сознание настолько помутнено, что человек перестает быть человеком, а становится биологическим роботом, животным, живущим только благодаря инстинктам. Все еще невидящими спросонья глазами он вначале посмотрел на часы: прошло всего полчаса, как он проверил часовых и решил все-таки немного поспать, так как обстановка пока позволяла. После очередного дневного боя обе изможденные стороны отдыхали, приводя себя в порядок и собирая новые силы к следующей кровавой трагедии. Лишь лениво взлетали осветительные ракеты и долго висели над головой, медленно опускаясь, словно пытаясь рассмотреть, кто же еще не спит этой беспокойной отрывистой ночью, да периодически раздавалась пулеметная очередь, словно деревенская собака учуяла что-то в воздухе и решила облаять так, на всякий случай, чтобы показать, что не зря ест хозяйский хлеб. Иногда ухали тяжелые разрывы снарядов, как будто огромный дракон, еще совсем недавно извергавший пламя и дым, пожирающий все, что попадалось ему на пути, тоже решил немного передохнуть и теперь тяжело ворочался во сне.

Владимир сел на топчане, протер глаза ладонью и только потом взглянул на говорившего. Перед ним стоял бравый, невысокого роста полковник Александр Фейербах, круглолицый, коротко стриженный и, как обычно, подтянутый. Если бы не сапоги, покрытые липкой черной грязью, то можно было подумать, что господин полковник готовится к очередному параду. Его волосы были настолько светлыми, что отдавали какой-то желтизной. Именно поэтому еще с юнкерского училища за ним прочно закрепилось прозвище Цыпленок. Род Александра тянулся прямой линией от потомственных прусских военных. Его деды и прадеды ничего и не умели делать, кроме как только воевать. Давным-давно, еще при Петре Первом, один из предков Александра поступил на службу к русскому царю, да так и осел здесь, обзавелся потомством и продолжил семейную традицию теперь уже русских военных. Александр очень гордился своим родом и не упускал случая напомнить собеседнику о своем военном предназначении. Владимир учился с ним в одном юнкерском училище в одном взводе, и, как говорится, вместе не один пуд соли съели, и поэтому отношения у них были добродушно-товарищеские, несмотря на различие в званиях и должностях.

– Саша, штабная крыса, а ты что здесь делаешь? Решил нюхнуть свежего пороху или пришел с художником написать свой портрет на фоне окопов и воронок, чтобы пополнить достойную коллекцию твоих уважаемых предков? – с легким сарказмом сказал немного хрипловатым голосом Владимир, затем, повернувшись ко входу в землянку, прикрикнул: – Семеныч, неси воды. И тотчас же, как будто из ниоткуда, на пороге появился Семеныч, невысокий коренастый солдат, с белой как лунь, седой головой и каким-то очень серьезным пронизательным взглядом.

– Тьфу ты, чертяка, – немного отшатнулся от него Александр, – тебе бы приведением в старинных замках работать, а не денщиком у капитана. Или в окопы тебя, и можно без винтовки. Немцы сами со страху разбегутся от одного вида. Вольдемар, – повернулся он к Владимиру, подождав, пока Семеныч поставит кружку с водой на деревянный, наспех сколоченный из неструганых досок стол и выйдет из землянки: – отправь ты его в окопы. Ей-богу, зачем тебе этот белый черт нужен? Только пугает всех.

Владимир молча взял кружку с холодной водой, залпом выпил ее до дна и вытер губы рукой. Он уже понемногу пришел в себя после столь короткого сна, хотя голова еще гудела, наполненная не успевшим исчезнуть до конца забытьем. Затем он внимательно посмотрел на вход землянки, куда только что вышел Семеныч, наверное, пытаясь понять, слышит ли тот их разговор или нет, встал и сделал несколько шагов вокруг стола, расхаживая отекавшие ноги.

– Ты знаешь, Саша, – негромко сказал он полковнику, – Семеныч у меня, почитай, один остался в роте из сибиряков. Вот так, брат, вроде рота у меня считается сибирскими стрелками, а сибиряков в ней уже почти никого и не осталось. Белорусы, украинцы, тамбовцы есть, а сибиряков нет, – продолжил он с горечью в голосе. – Те, с кем из Иркутска вместе на фронт ехали, уже в этой земельке в могилах братских лежат. А некоторые и вообще без могил валяются по здешним полям да лугам. И похоронить по-человечески хочется, да германцы не дают. Вот Семеныча и берегу, пусть хоть он правду расскажет о роте. Что смело и храбро сражалась она, что честью и славой покрыть себя успела. Что не было у нас ни трусов, ни предателей, как бы тяжело нам ни приходилось воевать.

Владимир поднял на Александра вмиг погрузневшие глаза и негромко, словно боясь, что Семеныч их подслушает, стал говорить дальше, словно пытаясь исповедаться перед случайным попутчиком:

– Ты не смотри, что Семеныч весь седой. Ему-то всего двадцать три года, сопляк еще, жизни не видевший. После одной атаки его санитары с поля боя ночью вытащили, посчитали, что мертвый, и в могилу к мертвым бросили. А утром землей засыпать стали, а он рукой и шевельнул. Кто-то из санитаров заметил, стали его из могилы вытаскивать, а он глаза и открыл. На второй день седой стал. Ребята говорили, что на глазах седел. И все время молчал. Только через неделю разговаривать стал. Его бы по уму списать с фронта, да боюсь опять загребнут. Сам видишь, какая нехватка солдат нынче. Вот и взял к себе в денщики. Ему-то со мной спокойнее будет. В атаки с собой не беру, запрещаю. Пусть здесь сидит и уют мне создает, – уже более веселым тоном закончил Владимир.

Он сел за стол и пристально посмотрел на продолжающего стоять Александра.

– Рассказывай, дорогой, зачем ты из штаба в наши вшивые окопы приперся. Не на Семеныча же любоваться?! И вряд ли меня менять пришел, прислали бы кого попроще.

Неделю назад немецкий снайпер прямо в голову застрелил командира первого батальона подполковника Орлова. Именно у него Владимир набрался столько опыта, который позволял ему оставаться в живых самому и не лить почем зря кровушку русского солдата. Строгий, но справедливый командир батальона быстро и доходчиво, на матно-русском языке объяснил прибывшему в его распоряжение новому командиру роты отличие между штабной и строевой службой. Его боялись и солдаты и офицеры, но при этом безмерно уважали, трепетали перед его строгостью и любили за отеческую заботу. Попасть в его батальон было за счастье. В солдатской среде бытовало мнение, что служба у Орлова – это своеобразная гарантия выживания на войне. Орлов был старый опытный вояка, успел повоевать еще в Русско-японскую. Казалось, что он наделен незримым даром чувствовать, куда летит пуля, где упадет снаряд и куда нужно шагнуть, чтобы не наступить на мину. За все время у него не было даже незначительного ранения, хотя никто не смел упрекнуть его в трусости, Орлова всегда видели на самых сложных участках, он всегда находил правильное решение, находясь, казалось, в самых безвыходных ситуациях, и надо же было ему так попасться. Накануне вечером Орлов получил письмо из дома. Что там было написано, никто не знал – Орлов никогда не делился подробностями своей личной жизни, и даже не верилось, что у него она была. Все его существование было подчинено службе в армии, словно он был создан для войны. Но прочитав этот трижды проклятый листок, он вдруг побледнел, молча, невидящим взором долго смотрел на него вмиг остекленевшими глазами, как будто пытаясь увидеть еще что-то, кроме ровно написанных букв. Затем встал, так же молча сжег листок над столом, взял сигарету и положил ее себе в рот. Постоял минут

пять неподвижно, затем, как будто очнувшись, достал из кармана галифе зажигалку, прикурил и вышел на улицу. Обычно у курильщиков, находящихся на фронте, работал инстинкт, заставляя курить незаметно, пряча огонек сигареты в руке, но Орлов почему-то не стал так делать.

Потом уже, когда Владимир думал о произошедшем, ему казалось, что подполковник сам искал смерть. Ведь о том, что на их участке действует снайпер, знали все и старались лишний раз не высываться из-за бруствера, не рисковать по-пустому. Орлов долго стоял и курил, глядя в темноту, в сторону немецких окопов. О чем он думал в тот момент, ожидая смерть? Почему никто не бросился на него, не повалил на землю, не затащил в блиндаж? Владимир часто корил себя за то, что ушел проверять караулы и не видел, что происходило с Орловым. Если бы он тогда остался! Ему казалось, что ничего бы этого не произошло. Так иногда бывает в окопах. Наступает помутнение рассудка, человек перестает разумно оценивать опасность, отпускает на волю накопившиеся инстинкты, перестает доверять им и своему опыту. Именно в этот момент за спиной появляется зловещая старуха смерть. Она одной своей костлявой рукой успокаивает человека, заманивая в свою ловушку, создавая в его голове мифические картины самообмана, уверенности, что именно с тобой сейчас ничего не произойдет, что смерть, может, случиться с другими, но только не с тобой. А в это время своей другой рукой она уже берет человека под локоток и ведет в свое царство, откуда никому нет возврата.

Когда Владимир вернулся, Орлов был уже мертв. Пуля пробила переносицу и застряла на выходе из черепной коробки. Смерть забрала его к себе мгновенно, не дав никаких шансов на спасение. Он еще лежал на дне окопа в грязи, и казалось, что в его мертвых глазах, между которыми зияла рана, все еще витает та непроглядная жизненная тоска, которая заставила подполковника позабыть про себя, про свой батальон и шагнуть в никуда.

После смерти Орлова командовать батальоном было поручено командиру третьей роты капитану Владимиру Новицкому. Вторую неделю их Третий сибирский корпус наступал, и командир 27-го Сибирского полка полковник Мясников решил, что не будет сейчас требовать, чтобы ему прислали нового командира из корпуса, справедливо считая, что в данный момент это только ухудшит ситуацию в батальоне, ведь для знакомства с составом и обстановкой совершенно нет времени. Только вперед и вперед должен двигаться полк, пробивая себе дорогу в этой снежно-грязно-кровавой каше. Навстречу рою пулеметных пуль, чавкающим разрывам снарядов и свистящим хлопкам мин. Только вперед! Не жалея никого и ничего для выполнения приказа, во имя самого продолжения этого кровавого акта под названием война, когда за человеческую жизнь не поставишь даже ломаного гроша. И не зря солдат на войне не считается человеком, это всего-навсего боевая единица, подчиненная только выполнению приказа, не имеющая своей воли. Даже своей жизнью солдат не имеет право распоряжаться, она ему не принадлежит.

Боевая единица – это человеческое тело, способное сжимать винтовку или пулемет, способное ходить, бегать, ползать, атаковать, наступать и умирать. Это самое низшее существо в жестком механизме войны. Из определенного количества таких единиц состоят уже следующие боевые единицы: отделения, взводы, роты, батальоны, полки, дивизии, корпуса и армии. И именно в том, чтобы собрать воедино эти единицы, бросить их в бой, добиться выполнения приказа любой ценой на своем уровне, заключен весь бездушный механизм войны – машины по перемалыванию боевых единиц. И ничего страшного, если пропадет одна единица – на смену ей придет другая. Нигде так дешево не стоит человеческая жизнь, как на войне. Да и что такое есть жизнь? Это всего лишь бег между рождением и смертью. Родившись, мы сразу запускаем невидимый таймер, отсчитывающий минуты, часы, дни, годы, оставшиеся до смерти. Война лишь способна ускорить этот бег, превращая его в бешеный спринт. Смерть всегда висит над человеком своим невидимым черным крылом, постоянно напоминая о бренности жизни. Мы как мотыльки летим к огоньку свечи под названием жизнь, не зная, что это всего лишь ловушка, которую нам устроила смерть. И обжигаясь на этом огне, мы превраща-

емя в ничто, в молчаливые холодные трупы. Что только не придумало человечество, чтобы поскорее загубить светлый росток жизни, пробивающийся к теплему солнцу вечности. И нет никого кровожаднее самого человека. Мы единственный вид живых существ на Земле, убивающих себе подобных ради удовлетворения каких-то собственных интересов. Мы хозяева Земли, обладающие разумом и свободной волей, данными нам от Бога. И что мы делаем с этим великим даром? Мы используем его против самих себя. Вся история человечества пронизана бесконечными войнами. Но самое обидное во всем это то, что те, кто затевает войны, как правило, распоряжаются не своими, а чужими жизнями. Вот и идут безмолвные боевые единицы умирать ради чужих интересов. И чем более развитым становится человечество, тем страшнее и кровожаднее становятся войны, словно мы участвуем в соревновании на кубок смерти.

Александр сел напротив Владимира, положил руки на стол, немного выждав, посмотрел тому в глаза:

– Сегодня на 10.00 у вас назначена очередная атака. Так?

Владимир молча кивнул.

– Высота должна быть наша! Сколько можно туда-сюда бегать? Не надоело? Вот меня наблюдателем к вам и назначили, так что, друг мой ситный, буду смотреть, как вы воюете против моих бывших родичей.

Александр улыбнулся какой-то грустной улыбкой.

– М-да... брат мой, не позавидуешь тебе. Скажи спасибо, что не арестовали как немецкого шпиона, – немного подумав, ответил Владимир. – Не переживай за нас, к атакам нам не привыкать. И завтра пойдем, и послезавтра, и пока люди не закончатся, ходить будем. Медленно, но ползем по этой каше. Сколько уже верст прочапали за эти дни? Считай, совсем ничего, а устали так, как будто уже до Германии дошли. Правда, германцы за это время успели новые силы подтянуть и пулеметиков поставить дополнительно. Да и с патронами у них пока все хорошо. Постоянно контратакуют. Так что скорость продвижения совсем уменьшилась. В батальоне с начала наступления два пополнения было. И уже почти всех повыбивали. Вот и получается сейчас, что утром мы к их окопам бежим, захватываем, а удерживать уже нечем, да и нечем особенно. С боеприпасами тоже полная беда. Артиллерия не помогает развить наступление, снарядов нет. Так, для поддержания нашего морального духа, саданут пару снарядов с утра по немцам и все. Вот такая артподготовка, дружище. А после того, как мы германцев из траншей выбьем, поддержать они нас уже не могут. Им бы стрельбу дальше перенести, чтобы мы смогли продвинуться к следующей линии и не дать возможность германцам подтянуть силы и контратаковать, а батареи молчат. Мы даже нормальную оборону организовать не можем. Нечем. Патронов почти нет, что в окопах подберем, тем и стреляем. Того и жди, что немцы оклемаются, соберутся с силами и раздавят, как вшей. Вот и бегаем как зебры галопом – утром туда, вечером обратно. Хотя это и бегом-то назвать трудно. Что это за великий умник такой выискался, решил в марте наступать? Такая каша, такое болото, что любая черепаха нас обгонит. Да и с флангов эту чертову высотку не обойти. Орлов посылал разведку, чтобы обходной путь найти, хотели штурмовую группу создать и во время основной атаки немцам во фланг ударить. Не вышло. Кругом трясины непролазные. Льда уже почти нет, вода высокая, ничего не видно, шаг ступил – и пропал. Чуть двух солдат не утопили. Хорошо, что Макарыч наш толковый дядька, он разведчикам веревку с узлами дал с собой, каждый за нее держался, и кто проваливался, того остальным легче было вытащить. Да и провалившемуся было за что цепляться. Три ночи проползали, так подступов и не нашли. Дорога только через эту высотку идет. Пока ее не захватим, дальше пройти не получится.

– Ладно, не канючь, сам знаешь, зачем мы наступаем. У тебя еще по сравнению с другими хотя бы потерь поменьше, поверь, у соседей все намного хуже. Пополнения не успевают подходить.

– Знаешь, Саша, – вдруг гневно зашептал Владимир, словно боясь, что кто-то их подслушивает, – сколько еще будет продолжаться это топтание на месте? Даже непонятно, наступаем мы или нет. Говорят, что это отвлекающий маневр, потому что под Верденom союзникам одно место пришили и у них там сейчас совсем туго. Так почему мы должны бессмысленными атаками их поддерживать? Мы же просто губим людей, посылая их на верную смерть. И если для нас с тобой это просто работа, мы присягу государю нашему и Отечеству давали, то мы хотя бы знаем, за что головы кладем. Мы с тобой люди военные, нам приказ дали, и мы его должны выполнить не обсуждая. Только как я могу объяснить своим солдатам, что они идут помирать из-за того, что у французов проблемы? Да почти никто из них не знает, что такое Франция и где она находится! А почему они умирать за нее должны, уж тем более не знают. Вот и молчу, потому что стыдно мне им про это сказать. Не поверишь, стыдно и все. Плету всякую ересь про царя, Отечество и необходимость ползти по грязи именно сейчас, потому что немец выдыхается и резервов у него нет, и поэтому нужно его добить, пока не успел новые силы подтянуть. Уж не знаю, верят или нет в эту чушь. Сам уже почти в это поверил. Только солдата, брат, не обманешь, он фальшь нутром чувствует, прямо как хорошая жена. Ты ей можешь что угодно говорить про учения, ночную работу и прочее, но она сердцем свое колеблющее настроение чувствует. Ну скажи ты мне, друг мой ситный, разве нельзя организовать одно хорошее наступление по всем правилам, не сейчас, в распутицу, а когда дороги подсохнут, и взять положение в свои руки, пока немцы с французами разбираются. Ну что вы там в штабе надумали? – сказал он уже подобревшим голосом. – Чаю хочешь? Время вроде еще есть. Скоро светать начнет, сходим позиции посмотреть немецкие, а то, небось, только на карте их и видел. Так будешь чай? – он опять взглянул на Александра.

– А может, у тебя что-то покрепче есть? Пока к тебе пробирался, совсем продрог. Да и ноги замочил. Так что от рюмки-другой хорошего коньяку или водочки я бы, пожалуй, не отказался.

– Я не пью перед боем и тебе не советую. Помирать приятнее на трезвую голову, – Владимир улыбнулся. – И солдатам своим запрещаю. Вечером после боя можно, чтобы снять напряженность и усталость, а вот с утра ни-ни. Водка снижает страх перед происходящим, но подавляет чувство сохранения. Хотя... – Владимир глянул на часы: до атаки оставалось еще четыре с половиной часа, – ...по одной в чисто медицинских целях, ну и, конечно, за встречу можно. Семеныч, подай графин с водкой, две рюмки и что-нибудь закусить, – громко сказал Владимир, глядя на дверь. Тотчас, словно уже все заранее подготовив, на пороге возник Семеныч с подносом, на котором стояли запотевший графин водки, две солдатские кружки и между ними миска с хлебом и нарезанной толстыми ломтиками конской колбасой.

– Звиняй, брат, хрустальных бокалов не держим, а икорку с осетринкой и белый хлебушек с утра не завезли, – шутливо сказал Владимир, разливая понемногу водки в кружки. Они чокнулись, и Владимир залпом выпил холодную прозрачную жидкость, которая сразу же обожгла желудок и приятным теплом стала растекаться по телу. Он уже и не представлял, что где-то есть фарфоровая или хрустальная посуда и нормальная еда. Почти два года, проведенные в окопах, выжгли из его памяти все, что касалось нормальной человеческой жизни. В его памяти осталось совсем немного того, что было с ним два года назад, и здесь уже выглядело совсем нереальным, чем-то фантастическим и будто бы даже произошедшим не с ним. Два года, проведенные здесь, на передовой, словно слились в какую-то вечность. Владимир уже не помнил начала, не видел и конца всего этого. Казалось, что только смерть могла вырвать его из этой кровавой жизни. Но о смерти он не думал, хотя она каждую минуту давала о себе знать, забирая в свои костлявые объятия все новых и новых людей.

Иногда, в периоды затишья, он вспоминал детей, представить их повзрослевшими у него не получалось. Наверное, у Даши уже коса до пояса, а Димка все так же носится в своей матросской форме и всем объясняет, что он моряк. Почти не вспоминалась Софья, а ведь он так

любил ее открытую светлую улыбку. Он вспоминал, что, когда она улыбалась, солнце начинало светить ярче, весь мир сразу становился добрее и чище, в душе зацветали ландыши. И тогда Владимир мог часами без умолку болтать ни о чем, нести всякую смешную чушь, лишь бы видеть эту прекрасную улыбку жены. Иногда на смену этим воспоминаниям приходила Наталья. Как же он мог тогда уехать от нее, оставив одну в этом шумном городе, толком и не попрощавшись? Он старался не вспоминать о ней, чтобы не причинять себе ненужную боль. Сердце начинало покалывать, когда он представлял, что могло произойти в ее жизни за это время. Он боялся и одновременно с чувством самоистязания изводил себя мыслями о ней. Когда наступал предел душевным терзаниям, ему становилось так глубоко наплевать на себя, что со стороны казалось, что он сам ищет смерти. Может, так оно и было, так как в эти мгновения он искренне считал, что только смерть может поставить в этой ситуации жирную точку. Но пули не брали его, осколки пролетали мимо. Так и прошло почти два года вдаль от всех. Вначале ему казалось, что война и время все излечат, но потом он понял, что от себя не убежишь, как ни старайся, и махнул на все рукой. Так и жил, от воспоминания к воспоминанию. Ничего другого у него уже не оставалось.

– Пей, брат, а то вскипит, хрустальных бокалов у меня нет, – сказал он Александру, который долго, брезгуя, не решался взять эту замусоленную, пропахшую солдатской землянкой и песком кружку. Наконец решился, взял и стал пить водку неторопливыми мелкими глотками, словно стараясь растянуть процесс.

Владимир налил еще по одной, они выпили и сидели молча, каждый погрузился в свои мысли. Владимиру начинать разговор не хотелось, он думал о предстоящем деле, о том, что нужно опять бежать, ползти по этой грязище, лезть под пулеметы, подниматься на эту проклятую высоту, выбивать немцев из траншей. А самое главное, сможет ли батальон в этот раз удержать их? В том, что батальон захватит первую линию окопов даже такими поредевшими силами, Владимир не сомневался, во время бесчисленных атак все они приобрели хороший опыт, но с каждым боем сил становилось все меньше и меньше, и скоро может получиться так, что наступать будет нечем. Между тем оборона немцев только усиливалась. Пулеметные точки росли как грибы после дождя. Контратаки немцев становились все сильнее. Казалось, что отросток невидимой военной артерии питал врагов, как в старой сказке про Змея Горыныча, которую в детстве читала Володе мама. Отрубил богатырь Змею голову – на смену вырастут три новых. Так и здесь, казалось, убил ты немца, а завтра на смену ему уже три стоят. Убил троих, а им на смену девять спешат. И так без конца. А своя силушка только уменьшается.

Четыре раза батальон захватывал высоту, и четыре раза немцы сбивали его обратно в низину. Все четыре раза Орлов сам водил батальон в атаку, и поэтому захватывать траншею удавалось всегда. Но вот сдерживать контратаки немцев они не могли. Да особенно и нечем было их сдерживать, патронов кот наплакал, гранат и того меньше. Немцы накапливали силы во второй линии траншей и мощным броском контратаковали. Четыре раза батальон дрался с немцами врукопашную, и четыре раза Орлов давал сигнал к отступлению, спасая батальон от полного уничтожения. Силы были явно не равны.

Завтра Владимир первый раз после смерти Орлова сам поведет батальон в бой. Сумеет ли он поднять людей? Пойдут ли они за ним так преданно, как они шли когда-то за подполковником? В своей третьей роте он был полностью уверен. Эти не подведут. Вместо себя командиром роты он оставил поручика Семина, в нем Владимир не сомневался. Этот сделает все как надо. А вот остальные роты? Он так мало, оказывается, знал про них. Его хороший товарищ, командир первой роты капитан Терентьев, погиб еще в начале наступления. Его обязанности стал исполнять поручик Чумаков, который побыл командиром роты всего один день, пока его не убило шальным осколком. Затем роту принял поручик Хижняк, который и командует ею до сих пор, несмотря на ранение в бедро во время последней атаки на высоту. Хижняк Владимиру определенно нравился. Невысокий, коренастый, всегда коротко стриженный,

вдумчивый, Хижняк не любил принимать быстрые рискованные решения. Он как никто другой в полку соответствовал русской пословице «Семь раз отмерь – один раз отрежь». Этот понапрасну рисковать не будет, будет, как обычно, все делать медленно, но обстоятельно. С командиром четвертой роты капитаном Белорецким Владимир иногда играл в шахматы. Белорецкий всего месяц у них в батальоне, до этого он служил в 8-й стрелковой Сибирской дивизии, был серьезно ранен в плечо, и после длительного лечения в госпитале его отправили к ним в батальон командиром роты вместо погибшего накануне капитана Светлова. А вот исполняющий обязанности командира второй роты подпоручик Аникеев его настораживал. Слишком резвый и бездумно храбрый. Этот и себя погубит, и роту с собой потащит. Орлов когда-то командовал этой ротой, вот и ставил ей самые сложные задачи. Аникеева он сам назначил командовать ротой, после того как во время рукопашного боя немец тесаком зарубил последнего командира роты поручика Яковлева. Не то чтобы он сильно любил Аникеева или видел в нем особый дар командира, но решил, что на переправе коней не меняют и нового командира роты будет требовать только после окончательного захвата высоты. Владимир решил, что сам пойдет со второй ротой в центре, поможет Аникееву в случае чего.

Александр же просто сидел и расслаблялся от вечной штабной суеты, постоянного тревожного шума и довольствовался пусть коротким и опасным, но покоем. Наконец он откинулся немного назад и прервал молчание:

– Ну как ты тут, устал? – спросил он, внимательно поглядывая на Владимира.

– Есть немножко, – не стал тот лукавить. – Каждый день как последний. Скучать некогда.

– Не жалеешь, что ушел из штаба в строевую часть? Ты знаешь, когда ты написал рапорт о переводе тебя в стрелковую дивизию, мы все были очень удивлены. Ты подавал большие надежды как штабной работник. Сам «старик» неоднократно ставил тебя в пример. И потом этот твой стремительный отъезд в Иркутск. Никто так ничего и не понял.

– Ну вот и хорошо, что никто ничего не понял, – улыбнулся Владимир, – считай это моей придурью. А если честно, то чтобы достаточно профессионально заниматься штабной работой, нужно самому поползать по полям да с пистолетом в атаки походить. Вот когда на своей шкуре все испытаешь, тогда не будешь бездумно линии да стрелочки на карте рисовать, – и, меняя тему разговора, продолжил: – вот Орлов – это был командир с большой буквы, побольше бы таких. Уже давно бы кофе пили на Блюмештрассе. Многому у него научился, царствие ему небесное. Не прятался по штабам да тылам, всегда в центре боя был.

– Это ты на Донцова намекаешь? – спросил Александр. Он прекрасно знал командира третьего батальона подполковника Донцова. Тот часто бывал в штабе полка, куда почти каждый день приезжал Александр, привозя различные донесения и приказы из штаба дивизии. По слухам, подполковник Донцов славился своей осторожностью и, отдав приказ на наступление, стремился уехать в полк, оставив за себя заместителя, капитана Сергеева. И возвращался в батальон уже после боя. Эта его особенность вызывала в штабе легкий смех и кулуарные разговоры о трусости подполковника. И только немногие старослужащие знали, что Донцов еще недавно был совсем другим человеком. Когда полтора года назад, позапрошлой осенью, его батальон попал в окружение, почти неделю он держался до последнего и все-таки прорвал это постоянно сжимающееся со всех сторон кольцо и вышел к своим. Правда, вышло их из всего батальона всего трое, из которых двое, включая самого Донцова, были ранены. Почти год пролежал Донцов в госпитале и только три месяца назад получил назначение в их корпус командиром стрелкового батальона. Вот после всего произошедшего с ним словно какая-то внутренняя пружина надломилась в подполковнике. И хотя командовал он по-прежнему грамотно, панически стал бояться находиться в батальоне во время наступления.

– Нет. Я никого не имею в виду, – сказал Владимир, – вы там в штабе сами всех прекрасно знаете. Моя задача не думать, а молча выполнять приказы. Простая роль оловянного солдатики, – добавил он усмехнувшись.

– Как планируешь строить бой?

– Да есть у меня свои мыслишки по этому поводу, хочу с тобой поделиться, а то вдруг не успею.

– Дурак! – сказал Александр. – По дереву постучи три раза, а лучше себе по лбу, он у тебя, похоже, тоже деревянный.

Владимир ухмыльнулся.

– Да вряд ли, одереветь до конца не успею. Мне же еще в штабе работать, вот там и дойду до нужной кондиции. А что касается тактики ведения боя, то я по ней докладывал вчера в полку. Но ее сочли трусливой и несоответствующей высокому моральному духу русского солдата. Не должен, мол, русский солдат врагам кланяться. Еще, дескать, сам Суворов этому учил. Историю бы почитали, не учи! – в сердцах сказал он. Владимир с юных лет увлекался историей и тут уж многих мог заткнуть за пояс. Особенно его раздражало, если люди выпячивали какие-то события, совершенно не зная их предыстории, ставя все с ног на голову, перевирая произошедшие события в свою пользу. – А я вот все равно применю ее у себя, так как считаю, что важнее сохранения солдатской жизни на войне ничего нет. И так нагрешил порядочно, зачем же мне себя еще больше чужими смертями укутывать? Тактика простая, – повторил он, ставя пустую кружку на поднос, – как только цепь встречает огневое сопротивление, она падает на землю. И дальше атака продолжается только небольшими перебежками: два-три шага делаешь – падаешь. Затем опять два-три шага – и опять на землю. Не больше, здесь главное – не спешить, сделаешь четыре шага – попадешь под пулеметную очередь. И так короткими перебежками почти до самых вражеских окопов. Потом, когда остается метров двадцать, бросаешь гранату – и рывком в окоп. А там уж начинаешь винтовкой и штыком орудовать, пока остальные не появятся и супостата из окопов не выбьют. А как только германцы побегут, вот тебе и тир с готовыми мишенями. Никогда не нужно спину подставлять. Подставил спину считай мертвяк. Отступать тоже нужно всегда правильно. Вот если бы все это знали, – с горечью сказал Владимир, – тогда бы и не было этой бессмысленной траты человеческих жизней. Конечно, мамки новых нарожают, да только люди нам нужны сейчас, а не через двадцать лет. Тем двадцатилетним достанутся свои войны, а нам досталась наша. И проиграть мы не имеем права. Ладно, – добавил он, затыгивая портупею, – скоро сам увидишь нашу секретную тактику в действии. Думаю, за этим тебя и прислали контролировать меня, чтобы своевольничать не мог и все по старинке делал. А я все равно буду, – заметил он упрямо, не глядя на Александра. – Семеныч! – И на пороге вновь, как будто из ниоткуда, выросла знакомая фигура солдата с седой головой. – Дай полковнику свою шинель, а сам пока в его пощеголяй.

Через минуту Семеныч вновь возник на пороге, держа в руках солдатскую шинель.

– Держи, дорогой, вроде должна подойти, – Владимир взял шинель и бросил ее Александру, тот поймал и брезгливо стал осматривать ее, как будто в первый раз в жизни держал солдатскую шинель в руках. – Одевай, одевай, не брезгуй, вшей совсем немного, Семеныч за этим следит. Лучше вшей погоняешь, чем тебя черви пожуют. Я же тебе говорил, что на нашем участке снайпер обосновался. За офицерами охотится, гаденыш. Я Макарыча послал за его душой, но что-то тот пока не может его подстрелить. Поторопись, дорогой, времени осталось мало. Быстрее решай, что тебе дороже, жизнь или чопорность. Не бойся, твои немецкие дедушки на портретах не засмеют тебя в солдатской шинели, – и сам, усевшись за стол, стал набивать патронами магазин пистолета. Александр все еще крутил шинель в руках. Затем, решившись, рывком сбросил свою офицерскую шинель и стал надевать шинель Семеныча.

– Молодец, умничка ты моя, – весело сказал Владимир, зарядив наган и вложив его в кобуру. Затем снял с топчана еще одну солдатскую шинель и накинул на себя. – Пара дырок в этой есть, но надеюсь, снайпер не заметит, а то решит, что в русской армии покойники служат, и сам помрет от испуга и потери веры в человечество, – Владимир опять широко улыбнулся.

Только сейчас Александр заметил, что на шинели в области груди зияли два отверстия, а вокруг них были небольшие рыжие пятна. Его передернуло: он понял, что шинель сняли с убитого солдата. И как мог Владимир спать, укрываясь шинелью недавно убитого человека?! Он стоял пораженный, не зная, что сказать. До этой поры он не видел смерть так близко. Конечно, он успел насмотреться трупов, следуя за наступающими войсками во время переезда штаба с одного места на другое и во время доставки донесений в полки. Но то казалось чем-то уже свершившимся, далеким и не таким страшным. Но здесь, на передовой, эта шинель поразила его. Владимир так спокойно говорил о смерти, словно это была его закадычная подруга, постоянно заходившая в гости. Владимир заметил его смятение, но воспринял это по-своему:

– А что, нормальная шинель. Через дырки, конечно, холодком потягивает, все забываю отдать Семенычу заштопать. Потеплеет – отдам постирать, пусть хоть кровяшку отмое, да и вши уже заедать стали.

Эту шинель Семеныч снял с солдата, сраженного наповал из пулемета прямо во время начала последней атаки. Тот только выпрыгнул из окопа, как тут же схватился за грудь и рухнул вниз, мешая выбраться остальным. Кто-то швырнул его мертвое тело к задней стенке, там его и нашел Семеныч, когда вышел по нужде. Шинель показалась ему весьма неплохой – всего-то два небольших отверстия, вот он и прихватил ее с собой, пока на нее никто не позарился, а такие наверняка бы нашлись. Он замечал, что Владимиру с его ростом трудно спать под одной шинелью: то голова торчит, то ноги. Этак недолго и заболеть. Вот и озаботился дополнительной шинелькой, чтобы тот мог теплее укрываться.

– Саша, сейчас пойдем к Макарычу, разузнаем свежие данные, заодно посмотришь местность.

Подпоручик Анатолий Макарович Стуков командовал разведывательной командой батальона. Вот это была поистине известная личность. Не только в батальоне, но и в корпусе о нем ходили легенды. Сам командир дивизии несколько раз хотел забрать Макарыча к себе, но Орлову удавалось правдами и неправдами отстоять его в своем батальоне. Настоящий сибиряк-великан. Ростом чуть больше двух метров, широченный в плечах, человек невероятной силы. И гвоздь спокойно в узелок завязывал, и подковы разгибал. Смотришь на него – лицо совершенно спокойное, лишь чуть напряжется венка на шее, и все – разогнута подкова. Прирожденный охотник, прошедший свою молодую жизнь в сибирских лесах, он имел такой нюх, что могла позавидовать любая ищейка, спокойно читал следы, на спор со ста метров попадал из винтовки в центр медного пятака. И при всей своей кажущейся неповоротливости мамонта умел двигаться как кошка: быстро, бесшумно, незаметно. Призванный на Русско-японскую войну, благодаря своей немыслимой храбрости был по рекомендации командира корпуса величайшим соизволением самого императора произведен в прапорщики, а потом в подпоручики. Один из старожилов, который служил с ним под Порт-Артуром, рассказывал такую историю. Мол, как-то между боями сидели они с Макарычем около костерка и варили кашу из остатков раздобытого по случаю пшена. Сидит, значит, Макарыч и кашу помешивает, чтоб не пригорела. Вдруг как из-под земли выскакивает перед ними странный японец весь в черном: на ногах мягкие туфли черные, на руках перчатки черные, даже голова чем-то черным перемотана, только косые глаза через щелочку смотрят. И давай шипеть, подпрыгивать, руками и ногами движения такие чудные совершать, и все на Макарыча насккивает, как молодой петушок. Ну, Макарыч одной рукой продолжает кашу мешать, а другой рукой так тому попрыгунчику меж глаз зарядил, что он упал и к вечеру, не вставая, помер. Приезжали какие-то высокие чины из самого корпуса, все вокруг япошки ходили и языками щелкали, а потом командир корпуса Макарыча к себе вызвал, пять рублей ему пожаловал и ведро водки. Правда это или нет, уже никто не знает, но эта история всегда имела большой успех, особенно у пополнения. Макарыч же на все вопросы только молча улыбался, порождая тем самым все больше и больше

различных версий этого эпизода. В последней, которую слышал Владимир, Макарыч на вертеле жарил телянку, а японцев был целый взвод с саблями и винтовками.

Макарыча они застали на прежнем месте, там, где окоп шел по небольшому пригорочку. Он стоял пригнувшись и при помощи бинокля рассматривал что-то в немецких позициях, делая пометки на листке школьной тетради. Увидев Владимира, он попытался было выпрямиться, но Владимир быстро махнул ему рукой, предупреждая это желание.

– Здравие желаю, ваше благородие, – басом прошептал подпоручик Владимиру, одновременно рассматривая Александра, словно пытаясь угадать, что за человек стоит сейчас перед ним. Как всякий большой и уверенный в себе человек, Макарыч излучал то добро, которого так не хватает мелким и завистливым людям. Макарыч не любил, когда его называли по имени-отчеству. В этом он видел некий формализм. Все, кто его знал, звали его просто Макарычем.

– Здравствуй, Макарыч, – ответил Владимир, – какие вести с той стороны?

– Мои бездельники, – так Макарыч ласково называл своих разведчиков, – засекли две новые пулеметные точки. Одна левее поваленной сосны, а вторая метров двадцать левее валуна.

Владимир хорошо знал эти ориентиры, так что представить, где находятся эти новые источники смерти, ему не представило труда.

– Старые точки восстановили?

– Не все. Хорошенько мы их повзрывали прошлый раз, – ответил Макарыч с нескрываемым удовольствием, – те, что восстановили, жиденькие совсем. Похоже, с лесом у них проблема. Еле-еле землей прикрыли, как карточные домики. Дунешь – развалятся.

«Вот только было бы чем дунуть», – подумал про себя Владимир, а вслух сказал:

– Ну давай на карте отметим. – Они присели на дно окопа и принялись наносить на карту новое расположение огневых точек немцев.

Александр вытащил свой бинокль с немецкой цейсовской оптикой, подаренный ему отцом по случаю окончания училища, и принялся рассматривать немецкие окопы и поле перед ними. Он уже и раньше видел кровавые поля битв, проезжая мимо них в штабном обозе, но здесь он вдруг заметил то, что прежде казалось нереально далеким, давно свершившимся. Он увидел остановившееся время. Как будто оно замерло над этим чернеющим впереди полем, сотни раз перепаханным вдоль и поперек не плугом крестьянина, а снарядами и минами, своими и чужими. Конечно, часы тикали, стрелки медленно и неторопливо совершали свой очередной круг, но само время здесь умерло, превратившись в тягучую кашу. Наверное, так и выглядит царство самого Аида, казалось, земля сейчас разверзнется и сам хозяин подземного царства выйдет проверить свои владения. Сам пейзаж мало напоминал земной, скорее всего так, по мнению астрономов, выглядела поверхность Луны или Марса. Замысловатость и нереальность всего увиденного дополняли непонятные серые в предрассветной темноте мешки, разбросанные по всему полю. Их было очень много, они лежали где поодиночке, а где и кучами, словно здесь снарядами уничтожили целый корпусной обоз, везущий продовольствие. «Странно, – подумал Александр, – откуда здесь столько мешков, а Владимир еще жалуется на перебои с продуктами, лентой». И только он хотел задать этот вопрос Владимиру, как молнией в голове промелькнул ответ, от которого сразу бросило в жар и холодный липкий пот ожег спину. «Боже мой, это же трупы людей! – от этой мысли перехватило дыхание. – Так вот откуда этот приторный сладковатый запах, а он, дурак, принял его за запах талого снега, за запах близкого болота, за запах самой распутицы, наконец». Лоб покрылся испариной, ноги мгновенно стали ватными и совсем перестали слушаться. Он стоял и, потрясенный, смотрел на эту прогалину смерти. Скоро рассвет, и видение смерти приобретет новые мрачные краски, незаметные пока в прощальном дыхании ночи, сумерки пока приукрашивают ее, сглаживая своей серостью. Наступит новый день, и после очередного боя пейзаж изменится, словно Луна повернется другим боком. На этом истерзанном клочке земли вырастут новые фантастические

кратеры, очередной слой недавно убитых солдат покрывает благодарную почву. Тех солдат, которые еще спят в землянках, видят сны и не знают своей участи, которая уже приготовлена им свыше. И пойдут к вечеру гулять по стране новые письма, вестники бескрайнего горя, разрушенных надежд, несбывшихся желаний. И только от одного вида этого клочка казенной бумаги дети становятся сиротами, жены вдовами, матери седеют на глазах, а отцы стареют на десятки лет. Точно такие же письма, только на другом языке, полетят в другую сторону, и точно такую же реакцию они вызовут в чужой для нас стране. И за всем этим с небесной высоты наблюдает сам Бог, уже не зная, как можно образумить своих детей, потерявших человеческое обличье ради бесконечных братоубийственных войн. Что еще нужно сделать, что такое наслать на весь род людской, чтобы наконец-то человечество стало еще больше стремиться к благоразумию, добру и взаимной любви. Ведь именно это он хотел вложить в людей, создавая их.

Внезапно Александр почувствовал, что кто-то трясет его за рукав. Еще ничего не понимающими стеклянными глазами он взглянул на Владимира. Тот, пригнувшись, стоял рядом:

– Что стоишь, как чурка на дровяном складе, ну-ка пригнись, получишь сейчас пулю в лоб, я ж тебе ее хлебным мякишем не залеплю, а меня потом в полк затаскают из-за тебя. А оно мне надо? Кому говорил, снайпер здесь ползает.

– Уже не ползает, ваше благородие, – добродушно сказал Макарыч, мягко улыбаясь себе в усы.

– Да ладно?! – На лице Владимира было столько удивления, что Макарыч не сдержался и рассмеялся.

– Так что же ты молчишь, чертяка ты этакий? – лицо Владимира расплылось в улыбке. – Я тут как беременная черепаха ползаю, голову выше бруствера поднять боюсь, а ты молчишь? Сам подстрелил? Давай рассказывай скорее!

«Вот что за человек, – подумал Владимир, – такое дело совершил, почитай сколько людей от смерти спас, а говорить про это стесняется, другой бы уже на весь фронт про это растрепал».

– Да не я это, ваше благородие, – лицо Макарыча выражало спокойную радость человека, умевшего искренне радоваться чужим успехам, – бездельник мой, Овечкин, из наших, из сибиряков. – В его голосе прозвучала гордость, что, мол, вот мы какие, сибиряки, все можем. – Я своих надых отправил поближе к германским окопам понаблюдать, что там делается, чем германцы живут и где и что укрепляют после нашего последнего раза. Овечкин у меня как раз левее валуна в воронке и лежал, смотрел, как они новую точку для пулемета оборудуют. Но то ли задремал, то ли засмотрелся, но сигнал к отходу пропустил. Уже светать стало, а его все нет и нет. Я уж заволновался грешным делом, всякое же могло случиться, хотя вроде с той стороны пока тихо было, без выстрелов. Лежит он, значит, в воронке, думает, как бы домой воротиться, чтобы не заметили. Если до рассвета не успеет, то придется весь день мертвым прикидываться. Тут слышит, с нашей стороны ползет кто-то. Овечкин мертвым прикинулся и под трупом спрятался на всякий случай, мало ли кто там ползает, а сам одним глазом посматривает. Тут в воронку снайпер немецкий и заваливается. Он с охоты-то возвращался, вот и залез в эту воронку, чтобы световую ракету переждать. Тоже ведь боится, вдруг свои не разберутся и с испугу застрелят. Лежит он, значит, ждет, пока ракета погаснет, чтобы дальше ползти. Ну Овечкин, недолго думая, на него сзади и навалился, он-то у нас, слава богу, почти семь пудов весит. Навалился так, что немчик и шевельнуться не может. Одной рукой рот ему зажал, а второй ножом по горлу. Потом винтовку его забрал, – Макарыч небрежно кивнул в сторону снайперской винтовки, стоящей у другой стороны окопа, – и потихоньку домой пополз. Всего минут двадцать до вашего прихода и появился, бездельник. Я сперва хотел в ухо дать, чтобы не спал больше на задании, а как он винтовочку-то эту мне показал, так и расцеловал. Вот молодец! Отомстили, значит, за командира. – В глазах у Макарыча мелькнула тоска. Уж очень он был сильно привязан к Орлову. «Интересно, – подумал Владимир, – смогу ли я когда-нибудь добиться от Макарыча такого же уважения?» Он не ревновал Макарыча к покойному

командиру батальона, не завидовал. Он и сам бесконечно обожал Орлова и считал его своим учителем. За довольно короткую жизнь у Владимира было много педагогов, а вот учителей можно было по пальцам пересчитать. Учителей, которые заложили в его голову такие знания, навыки и умения, какие не могли вбить и сотни педагогов.

– Ваше благородие, – продолжил Макарыч, – винтовочку-то возьмите на память, – он протянул Владимиру снайперскую винтовку с оптическим прицелом. На прикладе ножом были вырезаны рисочки. «Это по количеству убитых», – догадался Владимир. Риск было довольно много, чувствовалось, что снайпер был матерый. И так по-глупому попал впросак.

– За винтовку, Макарыч, конечно, большое спасибо. Только Орлова она нам все равно не вернет. Оставь ее себе, в разведке она вам больше пригодится. А Овечкину буду просить у командира полка Георгия. И пусть ко мне зайдет вечером, как выпится. Если, конечно, меня сегодня не убьют.

Владимир произнес это таким будничным голосом, что Александра передернуло. Как так можно говорить, ведь это же не игрушка, которую можно зашвырнуть в угол, если она надоела, и вытащить, когда вновь захочется поиграть? Это же человеческая жизнь, которой нет цены, которая всего один раз дается нам Богом. И если она обрывается, то ее уже не вернешь, ее нельзя положить на полку и снять с нее. Человек просто пропадает, исчезает во Вселенной, навсегда становится прахом, и хорошо, если после него остались дети или хотя бы фотокарточка, либо человек оставил пусть небольшой, но все-таки след на припорошенной прахом земле. Может быть, кто-то еще и вспомнит пропавшую душу. А если ничего, то и нет памяти человеческой. Так и пропадет еще одна живая душа, словно легким ветерком пробежала по покрытому людьми полю жизни, и нет ее.

– Дурак, дай по твоей деревянной башке постучу, – с гневом сказал Александр, стараясь отогнать от себя мысли о предстоящей смерти, которая и так сытно наелась за эти мартовские дни.

– Да право вы, ваше благородие, такую ерунду говорите, креста на вас нет, – обратился Макарыч к Владимиру, широко перекрестился при этом и сплюнул через левое плечо, – да разве можно мысли в себе такие таить? Нельзя такое даже думать. Смерть-то она только и ищет того, кто ее зовет. Вы только ее позвали, а она тут как тут. И сидит рядом с вами, думает, как поскорее вам подсобить, оказать помощь вашим мыслям. Эх, ваше благородие, нельзя такое в голове держать, – покачал головой Макарыч.

– Да шучу я, шучу, шутки у меня такие. Ты уж, Макарыч, не обижайся, я еще в Германии на Одере хочу искупаться да рыбку с тобой вместе половить. – Владимир знал, на что брать подпоручика, большого любителя порыбачить. И когда они еще квартировались в Иркутске, как только выдавалась свободная минутка, Макарыч тут же бежал на Ангару или более спокойный Иркут, чтобы предаться своему любимому увлечению.

– Да какая у них там в неметчине рыбалка? – Макарыч словно уже забыл про злую шутку Владимира. – Вот у нас – другое дело. Таймень, бывало, такой возьмет, что и впятером вытащить не можем, все нервы изматает, пока подлюку к берегу подведешь. Вот это рыба – настоящий богатырь. А хариус? Ну вот откуда у них там хариус? – Макарыча задел за любимую струну, и его уже было не остановить. Про рыбалку он мог рассказывать часами, показывать руками, какую рыбу он ловил и как ругала его за это жена, Марфа Игнатьевна, что, мол, совсем рыбой нас завалил, соли на тебя, паразит, не напасешься.

– Макарыч, я пойду, в следующий раз расскажешь мне, как хариуса ловить, хорошо? – остановил Владимир начавшего бесконечный монолог Макарыча. – А то мне еще к артиллеристам нужно успеть, пока совсем не рассвело. Кстати, я тебе корректировщика пришлю, от тебя ему все хорошо видно будет. Сейчас распоряжусь, чтобы телефонную линию сюда протянули.

Макарыч замолчал и кивнул головой. Владимир схватил ничего не понимающего Александра за рукав и потащил по окопу в сторону своего блиндажа.

– Макарыч – потрясающий человек, но стоит сказать про рыбалку, все: пиши пропало. Часами может рассказывать. Очень уж ее любит. Видел бы ты его жену! – Владимир сразу живо представил себе Марфу Игнатьевну, маленькую худенькую женщину, которая была в два раза меньше Макарыча, но при этом имела над ним необъяснимую власть. – Она его в ежовых рукавицах дома держит, вот он и норовит при любом удобном случае сбежать от нее на рыбалку.

Макарыч очень любил свою жену, и хотя Бог так и не дал им детишек, никогда не ставил это Марфе в упрек. И со стороны было смешно наблюдать, как этот гигантский человек-мамонт вдруг становился ласковой виляющей хвостом собачкой, стоило только Марфе сказать хоть слово. Отсутствие детей сделало ее раздражительной, сварливой, нередко она подолгу бранила Макарыча за какой-нибудь мелкий проступок. Вот и стремился Макарыч пореже попадаться Марфе на глаза. Но никто не знал, что, когда Макарыч спал, Марфа могла часами сидеть у его кровати, глядя его по голове. В Макарыче она выражала все свое нерастратченное материнство, всю свою любовь, хотя и прятала ее за маской сварливой жены. Когда эшелон уезжал на войну, она молча стояла на перроне, прижав руки к сухонькой груди, и слезы ручьем текли из ее больших глаз. Она не рыдала громко, как это делали многие провожающие, ей было стыдно, что люди видят ее слезы, думалось, что муж будет ее стесняться – ведь он никогда не видел ее плачущей. Она стояла молча с непокрытой головой и смотрела на отходящий паровоз. Когда эшелон скрылся за поворотом, Марфа обессиленно встала на колени прямо на перроне и долго так стояла, пока дым окончательно не рассеялся где-то далеко над тайгой. Ей казалось, что жизнь на этом закончилась и она больше никогда не увидит своего любимого мужа. Это потрясло ее настолько, что на следующий день она свалилась с сильными желудочными болями и, если бы не соседки-солдатки, которые почти месяц выхаживали Марфу, скорее всего умерла от разлуки, как умирают белые лебеди, потерявшие свою пару.

Владимир, вернувшись с Александром к себе в блиндаж, сразу же отправил Семеныча к связистам, чтобы те как можно скорее протянули новую линию к пригорочку, где располагался Макарыч со своей группой. Прежний коррективщик находился недалеко от землянки командира батальона, для него на сосне был сколочен небольшой деревянный помост, с которого хорошо просматривались все окрестности. Однако два дня назад немецкий тяжелый снаряд упал рядом с сосной, и сейчас она лежала с вывороченными корнями, будто застал ее здесь сильный бурелом. Покалеченный осколками ствол смотрел туда, в сторону тыла, где было тише и спокойнее, где не было этого грохота, сотрясающего землю, где у деревьев был шанс расти дальше ввысь, превращаясь в зеленых гигантов. А корень смотрел в ту сторону, откуда прилетел этот здоровенный кусок смерти, словно хотел даже после взрыва защитить ствол дерева от новых ран. В яме под корнями Семеныч успел соорудить щель, куда можно будет прятаться от артиллерийских налетов, если блиндаж, доставшийся Владимиру по наследству от Орлова, вдруг будет поврежден, и даже перенес туда кой-какие запасы. При всем этом очень повезло коррективщику, который не успел спуститься с площадки, иначе бы его просто разметало взрывом по ближайшим кустам. Он только прижался к стволу и так и завалился вместе с ним, получив при падении немного царапин.

– Вот что, Саша, – обратился Владимир к Александру, бесцеремонно усевшемуся на его топчане, – ты, пожалуй, передохни немного перед тяжелым днем, а я к артиллеристам сбегая, договорюсь о поддержке. Появится Семеныч, распорядись, чтобы поднял Гришука – это мой адъютант. Тот пусть соберет командиров рот, командира пулеметной команды и Макарыча к 9.00. Я скоро подойду. Справишься? – и, не слушая ответа Александра, быстро вышел из блиндажа.

Артиллеристы располагались недалеко, за холмом, который батальон захватил неделю назад практически без боя. Очумевшие после очередной штыковой атаки немцы драпанули так, что их командиры сумели остановить всю эту оголтелую братию только на высоте, где сейчас шли ожесточенные бои. Артиллеристам в этот раз очень везло: прибыв на новую пози-

цию, они нашли здесь хорошо обустроенные блиндажи с установленными в них еще теплыми печурками, и, быстро устроив огневые позиции для гаубиц, они принялись уничтожать те многочисленные запасы коньяка и шнапса, которые убегающие немцы не успели забрать с собой.

Владимир уверенным шагом прошел к блиндажу, где располагался командир батареи капитан Шварц. На входе дорогу ему перегородил денщик капитана, невысокого роста, с маленькими свинячьими глазами на свежевыбритом круглом лице. Умоляющим голосом он сказал, что капитан только уснул и велел никому его не беспокоить, даже если пожалует сам государь император.

– Я не государь император, – ответил Владимир, – я гораздо хуже! Ну-ка немедленно разбуди своего страдальца, пока я ему в кровать холодной воды не плеснул. Давай, шевелись скорее, а то мне некогда ждать, пока ты тут задницу греешь. Скажи, что я пришел.

Он прекрасно знал, что Шварц опять всю ночь пил трофейный шнапс с очередной медсестрой из санитарной части и сейчас решил отоспаться, так как здоровье, похоже, уже не позволяло гудеть сутками. Капитан Шварц славился своими загульными пьянками, и если бы не высокая лапа в виде папенки, то давным-давно был бы выгнан из армии. Хотя многие признавали, что Шварц был поистине знатоком своего дела. Причем независимо от состояния мозг у него работал, как швейная машинка: четко, без перебоев. Когда во время боев в Августовских лесах над дивизией висела угроза окружения, Шварц, расстреляв все снаряды, вывел свою батарею, сохранив все до единого орудия и не потеряв ни одного солдата в стычках с германцами. За это сам начальник дивизии генерал-лейтенант Василий Николаевич Братанов прилюдно расцеловал его и наградил Георгием первой степени.

Денщик нерешительно помялся: с одной стороны, пьяный капитан был неуправляемым, когда ему не давали выспаться, и мог вмазать по лицу, с другой стороны, маячила перспектива получить еще больше, если Владимир сдержит свое слово и окатит Шварца из ведра с водой, которое всегда стояло справа от входа на скамейке. Наконец, решившись, он вошел в блиндаж и через минуту пулей выскочил из него, держась за правое ухо.

– Входите, ваше благородие, – негромким мученическим голосом сказал он, потирая ладонью горящее место.

Владимир откинул полог плащ-палатки, висевшей на входе, и шагнул в блиндаж. В нос сразу ударил такой сильный запах перегара, что, казалось, поднеси спичку – и блиндаж взлетит на воздух. На топчане в одних голубых подштанниках под светом закопченной керосиновой лампы, свесив босые ноги, восседал капитан Андрей Михайлович Шварц. Опухшее от алкоголя и недосыпа лицо осоловевшим взглядом смотрело на вошедшего Владимира, словно пытаясь понять, кто этот наглец, который посмел оторвать его от сна. Рядом, завернувшись в одеяло, блестела испуганными глазами молоденькая девушка.

– Водички дать или рассольчику капустного для тебя поискать, юный алкоголик? – обращаясь к капитану и усаживаясь за стол, заваленный всякой снедью и пустыми бутылками, сказал Владимир. Затем повернулся к девушке: – А вы, уважаемая барышня, соизвольте немедленно покинуть помещение, пока два взрослых дяденьки между собой разговаривать будут. Разговор не для ваших чудесных ушек.

Было видно, как девушка густо покраснела и в ее не забитой умными мыслями головке срочно выискивается вариант незаметного исчезновения из блиндажа.

– Отвернитесь, я оденусь, – обратилась она к Владимиру.

– Зачем? – искренне удивился Владимир. – Вы же не стеснялись сюда прийти и остаться на ночь? Не думаю, что вы невеста Андрея Михайловича, или я ошибаюсь? Денщика вы тоже не стеснялись, так почему же вы должны меня стесняться? Да и, собственно говоря, чем вы меня хотите удивить? Я вроде не озабоченный юноша, чтобы впасть в непристойные фантазии от созерцания вашего прелестного тела. Брысь отсюда поскорее! – сказал он, повысив голос.

Девушка вскочила и начала быстро одеваться, позабыв про недавние смущение и стыд. Владимир мельком бросил взгляд на ее упругую грудь, приятную фигуру и повернулся к Шварцу:

– Ну что, милый мой, тебя в ведро окунуть или сам окунешься, сейчас ты мне нужен живым и желательно бодрым.

– А, Володенька, – скрипучим голосом, как несмазанная дрезина, проговорил Шварц, – не спится тебе. А что, собственно говоря, случилось?

– Ты не поверишь, Андрюша, я думаю, это тебя сильно удивит и, может быть, даже расстроит, но, оказывается, уже два года идет война. И если тебе совсем интересно, то воюем с Германией – это страна такая.

– Тебе бы только издеваться над бедным магистром от артиллерии, волшебником пороховых зарядов и кудесником стволов, дай лучше воды, изверг, а то, по-моему, я пил только в прошлой жизни. – Шварц стал потихоньку приходить в себя.

– Барышня, поднесите возлюбленному чашу с бесцветной жидкостью из вон того прекрасного оцинкованного ведерка, – сказал Владимир девушке, указывая на ведро с водой, – только не перепутайте с горючей жидкостью, которую вы вчера вкушали.

Девушка уже успела одеться, теперь она стояла перед Владимиром и бросала на него гневные взгляды.

– Да, милая, и не смотрите на меня так зло, а то вдруг от вашего прекрасного взгляда у меня случится понос? Будьте же добросердечной, поднесите воды капитану. Видите, он умирает. – Владимир терпеть не мог эти классические женские замашки, когда женщина, осознавая свою неправоту, стремилась слезами или гневом сделать виноватым другого человека.

Девушка подошла к ведру, взяла кружку, стоящую рядом, зачерпнула воду и, боясь расплескать, подошла к Шварцу. Тот одной рукой схватил ее за руку, другой вырвал кружку и начал жадно пить, проливая воду себе на лицо. Выпив все одним залпом, он тыльной стороной ладони вытер губы и, поцеловав девушке руку, отпустил ее. Она испуганно сделала шаг назад и повернулась, чтобы уйти из землянки.

– Барышня, ну поскорее же, видите, капитан вас не держит, – с неприкрытым раздражением сказал Владимир. Время шло, и каждая минута торопила его. – Кстати, не забудьте там у себя провериться на триппер, от этого старого алкоголика всего можно ожидать.

– Девушка вспыхнула и бегом бросилась в дверь.

– Ну вот, – обиженно сказал Шварц, – выпроводил любовь всей моей жизни, а я хотел было сделать ей предложение. Черт, а как же ее все-таки звали? Опять забыл спросить. Впрочем, как всегда. – Шварц встал, подошел к ведру и стал жадно пить воду прямо из него. Затем поднял ведро и вылил оставшуюся воду себе на голову. – Уфф, – запрыгал он в мокрых подштанниках, смешно, как аист на болоте, поднимая свои босые ноги. Затем взял полотенце, висевшее рядом, и стал энергичными движениями вытирать голову и торс, периодически побрякивая от удовольствия. Потом присел за стол напротив Владимира: – Володенька, вот умеешь ты прийти в самый неподходящий момент. А раз уж пришел, то рассказывай, чего тебе надо? Думаю, не чокнуться со мной принесли тебя ко мне ноги.

– Андрей, сегодня у нас опять атака на эту высотку, – деловым голосом начал Владимир, – нужна твоя поддержка. Я знаю, что сейчас ты начнешь плакаться по поводу отсутствия снарядов, но попробую с тобой не согласиться на этот счет, – сказал он, предугадывая желание Шварца сказать именно это. – Подходя к тебе, я видел мокрую от усталости лошадь с волокушками. Не шнапс же тебе на ней привезли? Поскреби по сусекам, может, и отыщется десяток-другой-полсотни хороших снарядов для помощи старому другу.

– Тьфу на вас, Володенька. – Шварц потихоньку приходил в себя, начинался легкий озноб, свойственный человеку, который начинал ощущать в себе что-то другое, кроме алкоголя. – И все-то ты увидишь, глазастый. Сам видишь, по такой грязище к нам по-другому не

попасть. А днем работать немцы не дают. Повесят свой аэростат и лупят потом по дорогам. У меня уже не дорога, а конское кладбище, на каждой ветке по кишке висит. Даже и непонятно, где лошадиная, а где человеческая. Вот и приходится, как татам залетным, по ночам работать. Но много не получается запасти, днем тоже нужно немцам показывать, что мы еще никуда не сбежали. Вот сусеки никак забить и не получается. Так что, дружище, и рад бы, но многого от меня не дождешься, даже если вагон французского коньяку мне выкатишь и еще две бутылки, чтобы денщика своего зря потом не гонять. Кузьма, – Шварца основательно трясло от холода, – где тебя черти носят? Быстро дай мне сухое белье!

На пороге тот час же возник денщик:

– Сейчас, ваше благородие, – и спешно принялся рыться в стоящем около топчана небольшом сундуке. – Вот, пожалуйста-с переодеться, – через минуту произнес он, протягивая Шварцу чистые сухие кальсоны и рубаху.

– Что так медленно копошишься? – недовольно произнес Шварц, снимая свои мокрые кальсоны и натягивая сухие. – Будешь так медлить, отдам господину капитану в окопы, там тебя быстро уму-разуму научат. Пошел прочь!

Денщика как ветром сдуло.

– В 10.00 у меня атака. Артподготовка назначена на 9.40. Так? – Владимир сгреб рукой оставшуюся от ночного кутежа снедь и бутылки на край стола, вытащил, разложил карту и немного наклонился над столом, словно собираясь сказать что-то очень важное. – Я своих в атаку подниму в 9.50. Пойдем перед твоим огневым валом. Иначе не успеем, мне до того, как немцы очухаются, нужно не менее чем триста метров пройти, иначе кучу народа положу. Немцы успели старые пулеметные точки восстановить и дополнительно соорудить две новые. Вот здесь и вот здесь, – он ткнул пальцем в отметки, сделанные недавно по данным Макарыча. Владимир знал, что, несмотря на пьяное состояние, Шварц запомнил новые отметки и обязательно нанесет их себе на карту. В этом ему было не отказать. В любом состоянии он умел запоминать и здраво анализировать все, что касалось его работы. – Затем давай все что есть по второй линии и по дороге за ней. Мы пока с первыми разберемся, потом сразу во вторую траншею полезем. Как вторую захватим, тут и будет нам счастье великое. Если особо много солдат не положу, то, думаю, с контратакой у немцев дело не выгорит, продержимся. А там зароемся поглубже, пулеметная команда точки себе оборудует – и все, не взять им нас. Будем готовиться двигать дальше помаленьку. Потому что дальше вроде укреплений нет. Дай мне только своего корректировщика толкового.

– Хорошо ты тут все мне расписал, Володенька, дай бог, чтобы так оно все и вышло. – Шварц налил и выпил залпом стакан водки. – Ох и хорошо же пошло, прямо амброзия. Тебе не предлагаю, знаю, что бесполезно. Вот после боя придеешь ко мне, я тебя с такими сестрами милосердия познакомлю, – он томно закатил глаза, – девки – огонь! Вот только как звать не помню, ну ничего, до вечера еще долго, может, и вспомню. – Он улыбнулся, обдав Владимира сильнейшим запахом перегара.

– Ты бы хоть закусил, Андрюша, – сказал тот, отодвигаясь подальше от этого запаха, от которого можно было опьянеть самому, – да завязывал бы с этим. Или сопьешься, или сдохнешь. Ладно был бы великим писателем или художником, тогда бы хоть памятник поставили на могиле, а так закопают и напишут: «Умер от алкоголизма. Дети, не берите пример с этого дядьки».

Шварц заулыбался:

– Ничего, Володенька, я еще тебя переживу, окопная ты вошь, – сказал он без злости в голосе, – приду к тебе на могилку, выпью бутылочку-другую да ущипну свою сестру милосердия за сладкую попку. А ты там лежи и завидуй мне. Ну как же ее все-таки звали? – задумался он опять об имени недавно исчезнувшей новой пассии.

– А ты ногу себе прострелили или живот, и когда тебя в санчасть принесут, которая первая к тебе бросится, та и окажется твоя нынешняя.

Шварц рассмеялся своим скрипучим смехом:

– Ах, Володенька, боюсь вся санчасть ко мне выбежит, я ж на всех жениться сразу не смогу, мне религия не позволяет, – и он перекрестился своими толстыми, как сардельки, маленькими пальцами. – Корректировщика я тебе пришлю, Константин Петрович пойдет, только вы его опять с сосны не роняйте, как прошлый раз. Он у меня после того раза целый день заикался, – Шварц опять расхохотался, – пришлось принудительно стакан шнапса в него влить, так от стакана он потом почти сутки спал, немощь. Кузьмич, – крикнул он и, дождавшись появления денщика, распорядился: – подпрапорщика Якушева отправь корректировщиком во второй батальон.

– Туда, где Макарыч сидит, – вмешался Владимир, – там уже связь протянули.

– Пусть топает на левый фланг на пригорок, туда, где подпоручик Стуков господствует, и немедленно проверит связь. Хотя... – Шварц на секунду задумался, – пусть сейчас же ко мне зайдет, я сам ему приказание дам, а то напутаешь еще что-нибудь. Давай, бегом, одна нога здесь, вторая там.

Денщик выбежал за дверь.

– Обученный он у меня, знает, как себя вести, – Шварц повернулся к Владимиру, – а может, ну его подальше, этот свой принцип, и давай по маленькой за успех накатим.

– Некогда, Андрей, да и не хочу принципу изменять. Пьяный солдат – мертвый солдат, хотя и отважный. – Владимир улыбнулся и встал из-за стола. – Ладно, я пошел в батальон, дел невпроворот. Вечером зайду. – Он пожал протянутую Шварцем руку и отправился назад к себе.

Уже совсем рассвело, холодный пронизывающий ветер гнал на запад низкие свинцовые тучи. Тропинка вела через лес, местами в низинках еще белел нерастаявший снег, деревья, еще не проснувшиеся от зимней спячки, сиротливо жались друг к другу, соприкасаясь голыми ветками и создавая неприхотливый, грустный и однообразный пейзаж. Рядом, буквально в нескольких метрах, шла дорога, хотя именно дорогой ее назвать сейчас было трудно. Раскисшая от талого снега, истоптанная тысячами пар армейских ботинок, искромсанная сотнями снарядов, она представляла собой еще более неприглядное зрелище. Дорога, по которой отступала одна великая армия и наступала другая, дорога, ставшая для многих прошедших по ней людей последней в их короткой жизни, так и не дав им напоследок узнать, куда же она выводит, стелясь через холмы и болота, перебираясь мостами через речки и ручейки. Владимир шел, вслушиваясь в тихий шелест деревьев. Еще недавно по утрам из леса доносилось пение птиц, которым было глубоко наплевать на жестокие игры, затеянные странными двуногими существами недалеко отсюда. Природа жила своей жизнью, совершенно не заботясь о том, что ее так называемые хозяева убивали и кромсали друг друга в клочья. Она продолжала уничтожать следы этих кровавых преступлений при помощи верного союзника времени, превращая их в прах и пыль.

Владимир шел, погруженный в свои мысли: вчера он получил письмо от жены. В нем она писала, что ее отец сейчас командует полком где-то на юге, мама помогает ей справляться с хозяйством, Даша учится хорошо, хотя ей никто не помогает, сын Димка растет таким шаловливым, что доводит своими выходками няню до сердечных колик. Недавно свалился с дерева и поцарапал коленку. Сама записалась на курсы сестер милосердия, хочет хоть чем-то помочь фронту, устает и приходит домой поздно. С продуктами сейчас не совсем хорошо, но пока не голодают. Все кругом надеются, что война скоро закончится, и молятся за это Богу. Писала, чтобы он хранил себя и не думал о глупостях, все образуется. Под глупостями жена, безусловно, понимала его связь с Натальей. Она не верила в серьезность этой связи и была убеждена, что это всего лишь мимолетный роман, который смогут вылечить смена обстановки и время. Да Владимир и сам думал об этом, что только так можно избавиться от щемящих сердце чувств.

Но время шло, день сменялся днем, впечатлений от каждого прожитого дня было столько, что, право, хоть книгу пиши, но самое главное чувство не уходило. Вот и сейчас он подумал о Наталье: что-то давно не было от нее писем, наверное, устала ждать и закрутила роман с другим, более перспективным кавалером. И это чувство не изжитой ревности сильно сейчас резануло по живому сердцу. Может, не надо было тогда уезжать? Она, наверное, так и не поняла его бегства в Иркутск, а сейчас прошло два года, и для нее эти годы шли намного дольше, чем для него. Почему она не пишет? Эта мысль была сейчас в висок, бередя никак не желающую затягиваться рану. Почему? Почему?? Почему???

Внезапно слух Владимира уловил знакомый тонкий свист, приближающийся к нему. Мозг еще не успел осознать надвигающуюся опасность, а тело уже автоматически бросилось на землю, в грязь и воду, перекатилось и замерло за ближайшим стволом небольшого деревца. Не прошло и секунды, как рядом раздался мощный взрыв. На спину посыпались комья земли, сломанные ветки, щепки. Не успеет он прыгнуть, неизвестно, чем бы закончилась для него эта прогулка по лесу. Все пришло в движение, десятки снарядов стали рваться на дороге и около нее. Лес зашумел десятками окриков утреннего эха, в которых воедино слились стоны ломающихся деревьев, тяжелые выдохи появляющихся в земле новых воронок, шлепки падающей грязи, свист осколков.

«Позавтракали, гаденыши!» – про себя выругался Владимир, крепко прижимаясь к спасительнице земле. Из-за низких туч немцы не стали поднимать аэростат для корректировки и били по старым координатам. Огненный смерч носился над дорогой, стремясь уничтожить все живое на ней, в который раз до неузнаваемости меняя пейзаж. Изредка его всполохи залетали сюда, на тропинку, непроизвольно заставляя тело все сильнее вжиматься в землю. Через десять минут внезапный артиллерийский налет перекочевал в глубь наших позиций, туда, где находились обоз, штабы, склады, кухни. Владимир встал, отряхнулся от прилипшей грязи, насколько это было возможно, посмотрел на часы, неодобрительно покачал головой: целых десять минут потерял – и трусцой побежал в батальон. Все посторонние мысли исчезли, стало легче дышать. Голова и тело включились в повседневную борьбу за выполнение поставленной задачи и собственное выживание. Подбегая к блиндажу, Владимир заметил взволнованное лицо Семеныча, смотрящего в сторону, откуда он должен был появиться. Тот увидел прыгающего в окоп Владимира, и его лицо приобрело обычное спокойное выражение.

– Все нормально, – успокоил Владимир денщика, – все пришли? – Семеныч молча кивнул головой. – Ну и славненько, – негромко сказал Владимир и вошел в блиндаж.

Все уже были на местах, рассевшись за столом на скамейках. Александр о чем-то оживленно беседовал с Хижняком, Семин и Аникеев курили, пуская дым в потолок, Макарыч вырезал ножиком какую-то деревянную игрушку, а Белорецкий играл в шахматы с командиром пулеметной команды поручиком Стекловым и, судя по количеству «съеденных» фигур, явно выигрывал, что, впрочем, было неудивительно. Гришук сидел молча, глядя на разложенную на столе карту. Увидев вошедшего Владимира, все, кроме Александра, встали.

– Господа, – начал Владимир, – позвольте вам представить наблюдателя из штаба дивизии, прислан нам для контроля за проведением предстоящей атаки, – Владимир кивнул в сторону Александра, представил его и разрешил всем сесть. Сам он уселся во главе стола. Кратко объяснив задачу предстоящего дня, Владимир повел речь о том, что наступать придется сразу за огненным валом. Хижняку эта идея не понравилась:

– Позвольте, господа, но если артиллеристы ошибутся, то нам мало не покажется. Не хватало еще от своих получать, мало нам немцев, что ли?

– Георгий Васильевич, – резко перебил его Владимир, – мало мы людей положили в прошлый раз? Это не летний луг, по которому можно бежать что есть мочи, это весенняя липкая грязь. Ты в нее вступил, ногу не вытащить, и ладно бы, если бы эта грязь сваливалась, так нет, она с каждым шагом все липнет и липнет. Через сто метров у вас на каждом сапоге уже по

пуду ее висит. Сможете вы с такими сапогами быстро шевелиться? Мы не успеем доползти до «мертвой зоны», как немцы нас словно в тире всех выкосят. А кто, скажите, пожалуйста, будет дальнейшую задачу выполнять? Насколько я знаю, мертвецы точно не смогут, только живые! И чем больше их у нас останется, тем шансов на успех у нас больше. Все! Эта тема не обсуждается! Анатолий Макарович, – обратился он к сидевшему напротив Макарычу, который, внимательно слушая, продолжал вырезать из дерева коня, – у вас на позиции должен уже находиться корректировщик от батареи. Постарайтесь обеспечить, чтобы он остался живым. Как только дойдем до первой траншеи, хватайте его, связиста и бегом к нам. Это же касается вас, Игорь Дмитриевич, – перевел Владимир взгляд на Стеклова, – не снимаетесь с позиций, пока не начнем запрыгивать в траншею, затем как можно скорее к нам, нужно успеть поставить пулеметы и обеспечить нам прикрытие для захвата второй траншеи. Как только вплотную подойдем ко второй, еще быстрее бегите к нам. Пока мы будем германцев добивать, ваша задача оборудовать пулеметные точки для отражения контратаки. Я сам буду находиться в боевых порядках второй роты, которая у нас идет в центре, – он заметил обиженное лицо Аникеева, но ничего говорить на эту тему не стал. – Ну что, господа, – обратился он ко всем, – сверим часы, и с Богом!

Сверив часы, все вышли. До начала артиллерийской подготовки оставалось полчаса...

– Куда же мне тебя пристроить? Свалился же ты на мою голову! Ты с нами пойдешь или будешь из окопов за всем наблюдать? – спросил Владимир Александра, видя, как тот борется с собой, не горя особым желанием идти в эту предстоящую смертельную лавину огня, но, с другой стороны, как быть с древними военными генами, которые зовут в бой? Одно дело идти один на один с мечом, и другое дело угодить под шальную мину, которая не даст тебе второго шанса. – Знаешь, лучше всего, на мой взгляд, все наблюдать со стороны с позиций Макарыча, – продолжил Владимир, заметив эту внутреннюю борьбу. Там, в штабе, все казалось легко и просто, а сейчас, увидев заваленное трупами поле, к которым вот-вот должны будут присоединиться новые, пока еще живые люди, и никто не даст гарантии, что этим человеком не окажешься именно ты, желание принять участие в атаке стало испаряться с большой скоростью. Владимир заметил, как после предложенного варианта оживились глаза у собеседника и как Александр с какой-то невысказанной благодарностью стал смотреть на него. Владимир, поймав этот взгляд, беспристрастно продолжил:

– Со стороны ты увидишь общую картину боя, которая даст тебе возможность оценить достоинства и недостатки выбранной мною тактики.

Он не задумывался сейчас о том, трусил Александр или нет. Он давно отучил себя от привычки осуждать других людей. Многое ему пришлось увидеть и через многое пройти за эти два долгих года. И много разных людей ему удалось повидать – и трусливых храбрецов, и храбрых трусов. Человек, каким бы храбрым он ни был, мог оказаться в такой передрыге, что вел себя как последний трус. И в то же время трусливый человек, защищая свою жизнь, вдруг начинал вести себя как самый настоящий храбрец. Он не осуждал Александра. Владимир считал, что каждому свое место и нечего посторонним людям делать на поле боя. В конце концов, это удел пехоты – проливать свою и чужую кровь.

– Семеныч, – позвал он денщика, – проводи господина полковника к Макарычу. И скажи ему, что он мне за сохранность нашего наблюдателя головой отвечает! Да, и принеси мою лопатку. Бедный Макарыч, – рассмеялся Владимир, – за всех-то он сегодня у меня отвечает: и за тебя, Саша, и за корректировщика, и за связиста. Ну ничего, он мужик смекалистый, справится. Ладно, Саша, – Владимир стоял посреди блиндажа, надевая шинель, – постараюсь сегодня выжить, и ты тоже не помирай, вечером, думаю, будем пить в германских окопах.

Неслышно вошел Семеныч, подал Владимиру саперную лопатку и стал смотреть на Александра, взглядом приглашая его к выходу.

– Ладно, Вольдемар, я у Макарыча, успехов тебе! – Александр повернулся и быстрым шагом вышел из блиндажа.

Владимир засунул за ремень шинели лопатку и присел за край стола. Затем расстегнул верхнюю пуговицу, вытащил нателный серебряный крестик, подаренный матушкой давным-давно, поцеловал его и застегнулся. Встал. Постоял немного, закрыв глаза, прокручивая в голове порядок действий, и пошел во вторую роту. По дороге его нагнал Гришук:

– Куда же вы без меня, Владимир Федорович?

Поручик Степан Тимофеевич Гришук был адъютантом Орлова. Толковый молодой офицер очень сильно переживал смерть своего начальника и даже написал рапорт о переводе в другой полк. Командир полка отказал ему в этом, заодно наорав по телефону на Владимира за то, что тот не умеет уживаться с подчиненными. По просьбе Гришука Владимир разрешил ему переехать в другую землянку. Сам он не привык, что у него кроме денщика кто-то еще есть, поэтому часто просто забывал об адъютанте. А тому казалось, что Владимир имеет на него зуб из-за рапорта. Как бы то ни было, особой попытки наладить отношения не исходило ни с той, ни с другой стороны. Сейчас Гришук был в полной боевой готовности, на боку красовалась шашка.

– Степан Тимофеевич, от вас разве скроешься? – улыбнулся Владимир. – Вы теперь моя тень.

Они молча дошли до расположения роты. Аникеев ходил вдоль траншеи, лично проверяя каждого солдата. Увидев Владимира, он скомандовал «смирно» и доложил о готовности. На лице Аникеева было написано явное недовольство тем, что Владимир будет находиться в его боевых порядках. Владимир широко улыбнулся и похлопал подпоручика по плечу:

– Бросьте вы обиду, Сергей Игнатьевич, мое нахождение здесь – это не выражение моего недоверия вам. Вы хороший перспективный командир, так сам Орлов считал, и я так считаю. Ваша рота наступает в центре, отсюда мне легче командовать батальоном. Так что на меня не смотрите, командуйте, как считаете нужным.

Лицо Аникеева потеплело:

– Спасибо, Владимир Федорович. Не сомневайтесь, вторая рота не подведет.

– А я и не сомневаюсь, – более громким голосом сказал Владимир, – вторая рота еще никогда не подводила. И никогда не подведет, пока в ней служат такие орлы!

Он окинул взглядом готовившихся к атаке солдат. На фоне всех явственно выделялись сибиряки. Это были бородатые мужики, крепкие, как высоченные коренастые таежные кедры, надежные, как красноярские столбы. У многих сверху шинелей были накинута на кожаных лентах старые, потемневшие от времени иконы, доставшиеся еще от дедов и прадедов. Именно такими иконами осеняли их жены и матери, отправляя на войну, веря, что сам господь Бог защитит их мужей и детей от злого врага. И они верили, эти суровые великаны с добрыми глазами. «Жалко, что их осталось у меня совсем немного, – думал Владимир, глядя на эти спокойные лица, – если бы их было чуток побольше, разве топтались бы мы до сих пор у этой чертовой высотки?» Большую часть батальона уже составляли жители других губерний России – украинцы, белорусы. Этих сразу было видно по напряженным испуганным глазам и рукам, судорожно сжимающим винтовку, будто это и есть единственное спасение, и потерять ее нельзя ни в коем случае. Эти палили в белый свет как в копеечку, переводя впустую и так немногочисленные патроны. Сибиряки же стреляли реже, но всегда метко. Профессиональные охотники, они умели подстрелить добычу.

Ровно в 9.40 раздалась залпы батареи Шварца, и тяжелые снаряды полетели к немецким окопам. Вмиг там все заволкло дымом, звуки близких разрывов больно ударили по ушам. Владимир стал в бинокль рассматривать то, что творилось сейчас там, куда прилетела сама стая смерти, посланная железными орудиями Шварца. В воздух то там, то сям взлетали комья земли, фрагменты человеческих тел, еще секунду назад бывшие живыми людьми, с их стра-

хами, желаниями, эмоциями. А сейчас это были просто бесформенные куски мяса, и отличить их от грязной земли можно было только по обрывкам ткани, свисавшим на них, да красным пятнам свежей плоти, которая, упав на землю, тотчас же стремилась слиться с ней цветом, стать такой же черной и мягкой. Вот в воздух около валуна взлетели бревна, отсюда они напоминали большие карандаши, вывалившиеся из упаковки. Словно какой-то художник-великан швырнул их на землю от злости, не в силах подобрать цвета, при помощи которых можно было изобразить развернувшуюся внизу трагедию местного масштаба. «Отлично, – отметил себе Владимир, – минус один. Хорошо работает Шварц, нужно ему бутылку коньяку презентовать». Потом немецкие окопы окончательно заволокло дымом, который скрыл весь ужас, творившийся сейчас там, всего-то в пятистах метрах, так близко и так далеко.

В 9.50 прозвучали свистки, выгонявшие солдат из своих привычных окопов поиграть в очередную лотерею со смертью. Не глядя по сторонам, полностью доверив Аникееву вести роту, Владимир легким натренированным движением перебросил свое тело через бруствер окопа, встал и пошел в сторону продолжающих бушевать разрывов, на ходу перекладывая пистолет в левую руку и поправляя саперную лопатку правой рукой, как бы желая убедиться, на месте ли она. Он знал, что, глядя на него, зараженные его личным примером, даже самые неуверенные солдаты преодолеют свой страх и пусть не совсем уверенно, но все-таки будут вылезать из окопов, занимать свое место в цепи и, ускоряясь, пойдут вслед за ним, догоняя и обгоняя его. Рядом правее, отстав на полшага, с револьвером в руках шагал Грищук, придерживая второй рукой ножны с шашкой, которая так и норовила ударить его по бедру с каждым шагом. Владимир шел, не оборачиваясь, обходя многочисленные воронки, перепрыгивая через остатки колючей проволоки, по возможности стараясь не наступать на трупы, которыми обильно было устлано поле. Сзади, сквозь перерывы между взрывами, возрастал чавкающий звук сотен пар человеческих ног, нагоняющих его. Владимир улыбнулся счастливой улыбкой: «Молодцы, поверили, пошли».

– Ну что, Степан Тимофеевич, – обратился он к Грищуку, все еще продолжая улыбаться, – а теперь немного ускоримся. – И он побежал вперед, насколько это было возможно. Сзади звуки шагов усилились и слились в один чавкающе-топающий.

Они прошли почти половину пути, со стороны немецких окопов еще не прозвучало ни единого выстрела, это радовало Владимира. «Молодец Шварц, – еще раз мысленно похвалил он артиллериста, – пока ни одного попадания по своим, хорошо идем!» Пехотная цепь уже нагнала его и впустила в свой строй. Владимир посмотрел по сторонам: слева и справа напряженные, мокрые от усталости лица, руки, сжимающие винтовки с пристегнутыми штыками, грязные шинели. После назначения Владимира командиром батальона он приказал каждый день отводить людей в тыл на обучение. С утра до обеда тренировались первая и третья роты, после обеда вторая и четвертая. Особенно плохо удавалось тренировать падению и перебежкам сибиряков. Эти грозные великаны искренне не понимали, зачем нужно падать под пулями, ползти, бежать и снова падать. Разве можно кланяться смерти? И что только ни делали Владимир, командиры рот, командиры взводов – и уговаривали, и объясняли, и грозили, но заставить их хотя бы пригнуться не получалось. Потом Владимир сказал: «Это приказ» – и все переменилось. «Аааа... Приказ, ну это понятно. Ну надо – значит надо, а то как же ж – приказ мы разумеем». Теперь Владимир опасался, как бы ни выиграла в них вновь сибирская гордость, как бы ни пошли они наперекор смерти, молча и прямо глядя ей в лицо. Разрывы стали перемещаться все дальше и дальше, в сторону второй линии. До окопов оставалось около двухсот метров.

– Вперед! Шире шаг! – громко приказал Владимир, ускоряя шаг, насколько это было возможно. Эхом подхватили этот приказ командиры всех рангов, разнося его по цепи. И цепь тяжело задышала, задвигалась, перемалывая уставшими ногами пуды грязи. Внезапно с левого фланга раздалась пулеметная очередь. «Все, началось, вперед и только вперед», – мелькнуло в

сознании Владимира. Сейчас только бы поскорее добраться до окопа, черный полуразрушенный бруствер которого уже ясно различался на фоне черной земли. Гортанные крики команд на чужом языке доносились более четко, с правого фланга тоже ударил оставшийся целым пулемет. Сухо защелкали винтовочные выстрелы. Прямо перед Владимиром брызнули и тут же ушли в мокрую землю маленькие фонтанчики пулеметной очереди. Теперь пулеметы строчили и в центре батальона. «Ложись!» – Владимир махнул рукой и сам свалился на землю. Фонтанчики вновь выросли совсем близко и поплясали дальше, вдоль цепи. Вот она, спасительная земля, так и хотелось остаться здесь, прижаться и никуда больше не бежать, а лучше всего сейчас проснуться и оказаться маленьким в своей кроватке, и мама, любимая мама, гладила бы сейчас по голове и рассказывала очередную сказку про злых колдунов и добрых рыцарей. Владимир сразу отогнал от себя эти мысли, предлагавшие только один вариант – смерть. Чтобы выжить, нужно двигаться дальше, прямо на эти вороненные стволы пулеметов, сверкающие штыки винтовок. Он вскочил и с криком «Делай как я!» пробежал три шага и вновь рухнул на землю. Опять рядом тонкой трелью засвистели пули. Он не смотрел назад, знал, что там, в цепи, уже появились первые убитые, и их количество сейчас зависит только от того, насколько прочно усвоили солдаты урок последних тренировок. Он бросил тело вперед и опять упал на землю, как только свист пуль стал приближаться. Рядом неотступно следовал Гришук. И снова, и снова: рывок, два-три шага и на землю, рывок, и опять земля. Пот застилал глаза, солеными ручьями стекая по грязному лицу. Грязь была везде: на лице, на губах, во рту, на спине, в сапогах. Шинель промокла полностью, и от этого казалась тяжелее в десять раз. Вот он, вражеский бруствер, все ближе и ближе, еще рывок, и еще один, и еще! Когда до бруствера оставалось метров двадцать, Владимир сорвал с пояса гранату и отточенным движением бросил ее за бруствер, в окоп, очищая себе в нем место. И одновременно со взрывом бросился к нему со всей оставшейся силой, перекувырнулся через бруствер и свалился прямо на корчившегося от ранения немца. Саперная лопатка уже была в руке Владимира, он сам не помнил, в какой момент вытащил ее из-за ремня. Простая саперная лопатка – вот чему впору петь оды. Сколько жизней ты спасла и сколько погубила! Незаменимый спутник пехотинца, простой кусок дерева и металла, предназначенный для копания окопов, рытья ходов сообщений, землянок, щелей, но какое грозное оружие в ближнем бою, особенно в тех же окопах и землянках, открытых пусть и чужими руками.

Все преимущества саперной лопатки Владимир осознал еще во время первой штыковой атаки, два года назад, когда, впервые ввалившись в немецкую траншею, с револьвером в одной руке и шашкой во второй, он столкнулся с тремя немцами, которые, быстро отойдя от неожиданности, пытались заколоть его штыками. Первого он убил из револьвера последним патроном, попав тому в грудь. Остальные два, заметив, что в пистолете больше нет патронов, стали усердно атаковать его. И тут шашка оказалась совершенно неприспособленной к траншейному бою. На поле это было страшное оружие, способное при определенной сноровке разрубить человека пополам одним ударом, но в стесненных окопных условиях она сразу же потеряла все свои боевые качества. И если еще отбиваться от наседавших немцев кое-как удавалось, то о том, чтобы нанести хороший удар, не могло быть и речи. Узкие стенки окопа просто не давали возможности замахнуться. И неизвестно, чем бы закончилась эта история, если бы между Владимиром и немцами не оказался прыгнувший в окоп Семеныч, которого Владимир тогда еще совсем не знал. Этот невысокий, на голову меньше своих противников паренек меньше чем за минуту разделался с обоими при помощи той самой хваленой саперной лопатки на глазах у изумленного Владимира. Затем весело, с азартом в глазах, прокричал Владимиру: «Будь здоров, ваше благородие!» и помчался дальше.

После того случая Владимир с уважением стал относиться к этому на первый взгляд кажущемуся несерьезным оружию. И даже брал уроки у бывалых солдат, предпочитавших ее винтовке со штыком. У винтовки тоже были свои минусы в ближнем бою: во-первых, для

перезарядки требовалось время, которого всегда не было; во-вторых, иногда штык застревал в костях, и для того чтобы его вытащить, нужно было упереться ногой в пораженного врага. И в это время ты становился совершенно безоружен. А ближний бой не допускает такого легкомыслия. Лопатка же позволяла рубить снизу и сверху, сбоку, наискосок, на маленькой дистанции, ей не требовался большой размах, чтобы нанести смертельную рану. И не только наши, но и бывалые немецкие солдаты доверяли ей больше, чем своим винтовкам да палашам.

Переступив раненого немца, Владимир увидел второго, который тут же ударил его штыком. Увернувшись в сторону, Владимир нанес немцу сильный удар наискосок в шею, практически отрубив ему голову. Кровь сильным фонтаном ударила вверх, немец, бросив винтовку и схватившись обеими руками за горло, стал оседать. Владимир оттолкнул его еще живого ногой и бросился дальше. Мельком он заметил, что в траншею начинают запрыгивать другие солдаты, такие же чумазые и уставшие, как он сам, но живые и готовые драться дальше. Всюду слышались крики и стоны, казалось, вся траншея извивается в смертельной агонии. Единый клубок стреляющих, колющих, кромсающих друг друга людей шевелился, перекачивался из одного края в другой. Владимир направился в сторону пулеметного гнезда, которое было где-то рядом. Было слышно, что пулемет строчит не переставая, и, значит, его во что бы то ни стало нужно остановить. По дороге он поставленным ударом зарубил в спину еще одного немца, пытающегося вытащить свой штык, застрявший в теле только что убитого русского солдата. А вот и пулеметчик. Пригнув голову к прицелу, превратившись в длинную руку смерти, он стрелял и стрелял, не обращая внимания на то, что происходит сейчас в окопе. И только когда ему на руку свалилось тело помощника, подававшего ленту, он удивленно поднял голову, словно еще не веря в реальность происходящего, что русские уже здесь, рядом с ним. Владимир убил его одним ударом и тут же приказал двум солдатам, бегущим сзади, немедленно переставить пулемет на другую линию траншеи и открыть огонь по убегающим немцам. Сопротивление немцев стало ослабевать. Словно загнанные в угол мыши, они искали спасения в единственном направлении, в бегстве ко второй линии окопов.

– Батальон! Приготовиться к атаке! – во всю мощь легких скомандовал Владимир. Нельзя дать немцам очухаться, вперед, только вперед! Но тут сзади раздался взрыв, Владимира швырнуло вперед, и, падая, он ударился о стенку траншеи. Голова гудела, раскалываясь от жуткой боли, словно тысячи мелких иголок попали сейчас в мозг. Усилием воли он заставил себя приподняться и стал протирать глаза от попавшей земли. Рядом лежал Гришук. Владимиру показалось, что тот убит, однако поручик перекатился на спину и открыл глаза.

– Вот это нас долбануло, Степан Тимофеевич, – улыбнулся Владимир, – ты как, пока живой?

Гришук молча кивнул головой.

– Ну Шварц, старый алкоголик, уж я ему бутылку в задницу вставлю, битую! Пусть поскачет зараза, будет знать, как по своим стрелять, – выругался Владимир, уже забыв, как совсем недавно нахваливал того за меткость.

– Это не Шварц лупит, – прислушавшись, возразил Гришук, – это германские пушки.

И точно, словно упреждая начало атаки на вторую линию своих окопов, дальше которых уже ничего не было, немцы открыли ураганный огонь по своим прежним окопам, огненной стеной закрывая своих отступающих солдат. О наступлении дальше не могло быть и речи.

– Батальон! Приготовиться к обороне! – проорал Владимир, сомневаясь, что его хоть кто-то услышит. – Степан Тимофеевич, – закричал он в ухо Гришуку, – я отменяю атаку, нужно предупредить командиров рот.

Гришук кивнул и, пригнувшись, побежал по окопу вправо, то и дело падая от близких разрывов.

«Черт, – мелькнуло в голове у Владимира, – Макарыч, корректировщик и Саша должны сейчас двигаться сюда. Они же видели, что мы захватили траншею. И пулеметная команда

Стеклова тоже». Но тут же в голову пришла другая мысль – после окончания обстрела немцы будут контратаковать, нужно успеть закрепиться. Дым и газы использовать не будут, ветер в их сторону, значит, ползут напролом. Лишь бы Стеклов успел.

Он оторвался от спасительной стенки окопа и пополз влево: нужно успеть предупредить ротных. За поворотом лежали двое солдат, которым он поручил переставить пулемет. Один корчился в предсмертных судорогах, взрывом ему разорвало живот и вывалившиеся кишки лежали в грязи; второй сидел, прислонившись к стенке окопа, голова его была наклонена, весь затылок был вырван, по стенкам, впитываясь в землю, растекалась кровь, смешанная с мозгами. Разбитый пулемет, превращенный в кучу ненужного железа, валялся рядом. Владимир прополз мимо солдат, стараясь не смотреть на эти начавшие сереть лица. Минуту назад они были уставшие, мокрые от пота, испуганные, но живые, а сейчас их души больше не принадлежат им.

Артобстрел не прекращался, в дело вступили минометы, с противным воем рядом стали падать мины, уничтожая и калеча оставшихся в живых солдат, которые металась по траншее, ища спасения, в спешке занимая оставшиеся от немцев блиндажи и щели. В одном из таких блиндажей он нашел Хижняка, тот сидел раненный в руку, которую уже успел перевязать санитар, и сейчас она безвольно лежала на перевязи, сквозь белоснежный бинт проступало увеличивающееся в размерах красное пятно.

– Георгий Васильевич, как ты? – спросил Владимир.

– Все нормально, Владимир Федорович, рана сквозная, эскулап сказал, что жить буду, – Хижняк грустно улыбнулся болезненной улыбкой, – что-то не везет мне с этой высоткой, то нога, то рука. Этак недолго и калекой остаться.

– Как твои потери? Успели подсчитать?

– До окопов пророскочили почти без потерь, только грязные, как свиньи, а вот что здесь было, пока не доложили. Мои один пулемет захватили, много лент, вон в углу изучают, – выдал из себя Хижняк и кивнул в угол блиндажа, где трое склонившихся солдат рассматривали немецкий станковый пулемет.

– Как только закончится обстрел, германцы ползут. Сейчас наверняка собирают силы. Готовься к отражению.

– А куда уж нам деваться-то, не назад же ползти? Справимся, Владимир Федорович, не переживай за нас, не подведем.

– Да я верю тебе, Георгий Васильевич, – Владимир тепло улыбнулся. Он знал, что вдумчивый Хижняк, несмотря на обстрел, уже дал необходимые распоряжения командирам взводов. – Ладно, я побежал обратно искать Аникеева, а ты, дорогой мой, держись.

Как же не хотелось покидать этот островок безопасности и снова идти под огневой дождь, но Владимир заставил себя и снова полз, прижимаясь к дрожащей от разрывов стенке окопа в обратном направлении, откуда только что пришел. Опять эти двое убитых солдат с пулеметом. Только за это время сюда еще раз залетела мина и во второй раз убила их. Первый с вывороченными наружу кишками был выброшен взрывной волной на бруствер, второй, без затылка, лежал с оторванными ногами и неестественно вывернутой правой рукой.

«Господи, упокой их души», – подумал Владимир, проползая на четвереньках мимо и вжимаясь в стенку окопа.

– Ваше благородие, давайте к нам, – позвали его из щели, в которую было набито полно солдат, только испуганные глаза смотрели из темноты.

– Спасибо, братцы! Аникеев у вас?

– Нету.

– Ну ладно, держитесь, я дальше.

Уши, казалось, оглохли от постоянных разрывов. Шинель была рассечена мелкими осколками, что-то неприятно струилось по спине, но острой боли Владимир не чувствовал.

Сколько уже продолжается этот ад, он не понимал, казалось, прошла целая вечность. На глазах у Владимира очередной снаряд влетел прямо в щель, где прятались солдаты и куда его тоже приглашали всего минуту назад, превратив эту вырытую в земле яму в вечную неизвестную братскую могилу для тех, кто был в ней. Дьявольский круговорот и не думал стихать, огнем и железом врываясь в землю, круша и ломая все, что здесь было построено для защиты от него, сметая не нашедших укрытия людей, убивая их по нескольку раз. Казалось, что это сама старуха смерть дико хохотала, летая сейчас над окопами, и в экстазе от полученных жертв все кричала: «Еще! Еще!! Еще хочу!!!»

Аникеева он нашел в каком-то битком набитом блиндаже, где тот молча курил одну сигарету за другой, словно желая накуриться сразу на всю жизнь. В блиндаже сильно пахло куревом, пороховыми газами, мокрыми шинелями и портянками. Но никто не обращал на это внимания, люди сидели, почти не разговаривая друг с другом, полностью положившись на волю господу Бога, так как что-то сделать самим они были бессильны.

– Не ранен? – первым делом спросил Владимир, проталкиваясь к подпоручику. – Ну-ка, братцы, расступитесь, дайте присесть. Солдаты пододвинулись, и Владимир уселся рядом с Аникеевым.

– Нет, Владимир Федорович, а вы?

– Да осколками, похоже, немного поцарапало, а так все цело.

– Эх, – в голосе Аникеева звучала искренняя горечь, – такой темп взяли, первую линию так быстро взяли, потери у меня невысокие, только и оставалось, что сходу на вторую бросаться, точно бы взяли, тут к бабке не ходи. А сейчас обложили снарядами, как волков на загоне, голову не высунуть, пока они там у себя кальсоны свои обделавшиеся отмывают. А потом попрут сюда, добро свое назад отбирать.

– Молодец, что догадываешься о предстоящей контратаке.

– Да я уже распоряжения дал, когда эта свистопляска закончится, встретим их так, чтобы вновь в кальсоны наложили, – Аникеев грустно улыбнулся.

– Гришук был у тебя?

– Да, забежал минут десять назад, потом дальше пошел Семина и Белорецкого искать, лишь бы живой остался в такой передраге.

– Ну ладно, – Владимир растянул верхнюю пуговицу, – посижу у тебя, устал я по окопам на четвереньках ползать, как собака бездомная. Ну что, братцы, – сказал он, обращаясь к молчаливо сидящим солдатам, – как вам обделавшиеся германцы? Сидели себе тихо-мирно в окопах, а тут сверху мы, такие красивые, правда, немного грязные, вернее, очень грязные. Вот германцы и не выдержали, отродясь они такого испугу не испытывали.

На лицах солдат стали появляться улыбки, они словно возвращались к жизни, с интересом прислушиваясь к говорившему капитану. Владимир тем временем продолжал:

– Представляете, они ждали нас, чинных благородных русских солдат, в образцовых шинелях и идеально намотанных обмотках, а тут черти на голову посыпались.

В блиндаже еще более потеплело, раздался смех.

– Как тут было не обделаться, я бы и сам обделался, если бы увидел такое. Вот и рванули от нас, что было сил, а сейчас хотят снарядами запугать. Они же не против нас их столько тратят, а против увиденных нелюдей, представляете, уже, наверное, самому кайзеру рассказывают, что у русских черти воевать стали.

Атмосфера в землянке еще больше потеплела, стали раздаваться шутки, смех, напряженные лица людей, обманувших утреннюю смерть, сменились лицами обыкновенных людей, которых непредвиденные обстоятельства собрали в этом тесном, но крепком деревянном блиндаже. Солдаты вспоминали, как добирались сюда, не через призму огня и смерти, а через юмор, подзадоривая и шутя друг над другом.

– А вот Антошка так зад отключил, чуть германец от смеха не помер, стрелять не мог.

– А Санька как кинется на того здорового немца сверху, так у того сердце от страха-то и остановилось.

– А Порфирий-то, Порфирий, как стрельба началась, чуть от страха в штаны не наложил.

Блиндаж оживился, будто и не было совсем недавно этой кровавой бани, словно не рвались сейчас поблизости снаряды, несущие смерть. Люди были рады простому факту, что они до сих пор живы, что сейчас они находятся в защищенном месте, и неважно, выдержит или нет прямое попадание этот блиндаж, сейчас об этом никто не задумывался. Казалось, самое страшное уже позади: черное поле, стреляющие пулеметы, окопный бой. Как мало нужно человеку для счастья в такие минуты, всего лишь осознавать, что ты еще жив, не ранен, что пока тебе повезло больше, чем другим, которые уже никогда не пошутят, не засмеются.

Владимир прислонился спиной к столу, сразу нахлынуло чувство дикой усталости, словно обручем сковало голову, не вызывая желания шевелиться. Он поймал себя на мысли, что хочет, чтобы этот обстрел продолжался еще долго. Эта «музыка» клонила ко сну. Пока будут бить пушки, немцы точно не сунутся. Не та закалка. Вроде и солдаты хорошие, что тут лукавить, но на риск стараются не идти, предпочитают обдуманно действовать. Это не то что мы со своим извечным стремлением все сделать на авось. Иногда это срабатывало, чаще нет. Но именно поэтому немцы до сих пор не одержали над нами верх, хотя у них и армия пока сильнее, мы же сильны своей непредсказуемостью. Немецкие генералы не могут понять нашей логики, зачастую не соответствующей не только писаным правилам ведения войны, но и здравому смыслу. Вот и держится до сих пор Россия-матушка вопреки всем законам развития цивилизации, двигаясь по какому-то никому непонятному пути, а самое главное, непонятному даже ей самой. И всегда будет держаться до тех пор, пока не научимся думать и поступать так, как думают и поступают в просвещенных Европах.

Владимир уже стал было засыпать, как вдруг обстрел прекратился точно так же внезапно, как и начался. «Ну все, сейчас попрут. Лишь бы выдержать, подмоги все равно не будет», – мелькнуло в голове.

– К бою, занять огневые позиции! – послышался голос Аникеева. – Быстрее, братцы, давай, пошевеливайся!

Солдаты, только что беззаботно смеявшиеся над Антошкой, Саньком и Порфирием, сразу стали серьезными. На лицах опять появилась спокойная сосредоточенность, смех в глазах сменился тревогой. Все вдруг одновременно ринулись на выход из блиндажа, подталкивая и отпихивая друг друга, словно боясь опоздать в бой. Владимир вышел последним, чтобы не мешать бойцам занимать боевые места. Вдоль траншеи метался Аникеев, отдавая короткие команды и помогая расставлять солдат. Люди спешно заряжали винтовки, снова пристегивали штывы. Вдалеке раздавалась трель свистков. Начиналась контратака немцев. Вдруг Владимир увидел Стеклова, который торопил своих пулеметчиков, спешно устанавливающих пулемет напротив разбитой немецкой огневой точки.

– Стеков, – Владимир заспешил к нему, – чертяка, как ты здесь оказался? Когда прибежали? Попал под обстрел?

– Владимир Федорович, рад вас видеть в добром здравии, – улыбнулся Стеков. – Да что ж ты, сволочь, делаешь! – заорал он тут же на пулеметчика. – Я тебе какой сектор показал? Что ты прешься в чужой? А твой кто будет защищать, кайзер прибежит?

– Простите, Владимир Федорович, – Стеков повернулся к Владимиру, на секунду задумавшись, соображая, что же от него хотел командир батальона, затем выпалил: – Как вы в окопы ворвались, мы сразу к вам рванули, больше половины прошли, а как обстрел начался, в воронках пережидали. У меня один пулемет разбили прямым попаданием, расчет на кусочки, только один ботинок нашли. Еще трое раненых, один тяжело. Наверное, не выживет. Как снаряды перестали рваться, сразу к вам.

– Игорь Дмитриевич, там Хижняк пулемет захватил. Вроде целый. Ты бы подсобил ребятам, заодно и Хижняку поможешь немного, он ранен, пока держится, но мало ли что. Там он, найдешь, – Владимир показал в сторону, где последний раз видел Хижняка. – Если что, я здесь, у Аникеева буду.

– Слушаюсь. – Стеклов бросил взгляд на своих пулеметчиков, подготовившихся к бою, и, пригнувшись, побежал по траншее.

Владимир подошел к Аникееву, рассматривающему приближающихся немцев, которые уже выстроились в плотную цепь и, выставив вперед винтовки со штыками, шли сюда. До немцев было около ста пятидесяти метров. Слева стали раздаваться выстрелы, зашепелявил пулемет. «Это у Семина», – отметил про себя Владимир.

– Давай, Сергей Игнатьевич, начинай, – тронул он за плечо Аникеева.

– Рота, пли! – тотчас же зычным голосом громко скомандовал подпоручик, словно ожидая этого. Траншея ожила, в немцев полетели куски свинца. Рядом с Владимиром мерно застрочил пулемет. Немцы и русские в очередной раз сошлись в смертельном бою за эту проклятую высоту, разрезающую так нужную для наступления русских дорогу. Пули свистели со всех сторон, казалось, ничего живого не уцелеет от их злых укусов, но немецкая цепь, хоть и сильно поредевшая, потихоньку приближалась. Вдруг Владимир увидел солдата, который стрелял, совершенно не целясь: он заряжал винтовку, клал ее на бруствер, а сам опускался ниже и нажимал на спусковой крючок. Затем стаскивал винтовку к себе и снова перезаряжал.

– Что ты делаешь, сволочь? – Владимир вырвал из рук солдата винтовку. – Если обделался, уходи, трогать не буду. Мне здесь солдат нужен, а не трусливая размазня. Ты же сейчас германцам помогаешь, дурья твоя башка, патронов и так мало, а ты их впустую тратишь. Пошел прочь!

Солдат посмотрел на Владимира отчужденными глазами, затем отошел немного и сел, прислонившись спиной к стенке траншеи и обхватив голову руками. Владимир не смотрел больше на него, он занял место солдата и стал посылать пулю за пулей в приближающегося противника. Он не был очень зол на солдата, такое он иногда видел. И вроде не сказать, что человек трусливый, и стрелок меткий, и в атаку не надо заставлять подниматься, но иногда накроеет непонятная волна жуткого страха, дикое желание выжить во что бы то ни стало, и все, потерялся, пропал человек, забыл чему учили. Хочется только одного: спрятаться или убежать. А это почти сразу верная смерть. И он это понимает, но бороться не может, страх настолько парализует волю, что ни рукой, ни ногой шевельнуть не можешь. Потом это проходит. Так и на этот раз. Через минуту этот солдат уже трогал Владимира за плечо:

– Ваше благородие, звиняйте, не знаю, что на меня нашло, помутнение какое-то. Верните винтовку взад.

– Ничего, браток, – ответил Владимир, возвращая тому винтовку, – стреляй метко, все хорошо будет.

Он похлопал солдата по плечу и отошел, уступив тому место для стрельбы.

Немцы приближались. Сзади них, вылезая из незахваченной траншеи, разворачивалась вторая цепь.

«Почему не стреляет Шварц? Почему корректировщик не дает цели?» – Владимир, пригнувшись, побежал на левый фланг к Семину.

Семина он нашел быстро, тот стоя стрелял из пистолета левой рукой. Правая была перебинтована.

– Ты что, Александр Иванович, – закричал ему на ухо Владимир, – с Хижняком что ли договорился, тот тоже в правую руку ранен. Как ранение? Как обстановка?

– Пока держимся, – Семин не смотрел на Владимира, целясь из пистолета в новую жертву, – навывлет прошла, кость не задета, справлюсь, не переживайте, Владимир Федорович.

– За тебя точно не переживаю, – подбодрил подчиненного Владимир. – Корректировщика не видел? Или Макарыча?

– Нет. Не попадались. Может, у Белорецкого?

Первая цепь была почти полностью уничтожена, оставшиеся в живых немцы попрятались в воронках. На помощь первой двигалась вторая цепь, из траншеи вылезала третья.

– Сколько ж там их еще? – крикнул Владимиру Семин. – У нас на всех патронов не хватит – с собой много принести не получилось. Думали у немцев разжиться, так им вроде самим надо, – пошутил он.

– Держись, поручик, я к Белорецкому.

Пригнувшись, Владимир побежал дальше. Обстановка у Белорецкого была пока получше, это и напрягало. В немецких окопах мелькало множество касок, но пока немцы в атаку не лезли, положив одну цепь, они сосредоточили основной удар в центре, на Семина и Аникеева.

– Как у тебя, Петр Сергеевич? – У Белорецкого пока наступило небольшое затишье. – Ты Макарыча видел или корректировщика?

– Макарыч только что пришел с господином полковником, – Белорецкий имел в виду Александра, – а корректировщика я с ними не видел. Они сейчас вон в том блиндаже, вместе с Грищуком.

Владимир побежал к блиндажу, который находился метрах в двадцати. Вбежав туда, он заметил обляпанных с ног до головы свежей грязью Макарыча и Александра.

– Где корректировщик? – начал он с порога. – Почему в блиндаже расселись? Кто воевать будет? У меня сейчас каждый штык на счету. Саша, ты же наблюдатель, вот на хрена ты здесь мне нужен, только мешаться будешь! – в сердцах высказал он Александру.

– Господин капитан, ваше благородие, – начал Макарыч, – корректировщика и связиста на куски, сам еле успел в воронку скатиться, вон и господина полковника успел столкнуть, а они не успели. Телефонный аппарат вдребезги, линия многократно порвана, нужно новую тянуть. Я своего бездельника уже послал к капитану Шварцу за новым корректировщиком. Господину полковнику плохо стало, вот мы и зашли в блиндаж отдышаться.

Тут только Владимир заметил, что у Александра неестественно белое лицо и Грищук держит около него мокрый платок.

– Макарыч, слушай приказ: забираешь господина полковника и возвращаетесь на исходные. Нужно срочно организовать поднос боеприпасов. Осталось совсем немного. И проложить новый телефонный провод обязательно. А тебе, Степан Тимофеевич, нужно как можно скорее добраться до Шварца. Пусть лупит по второй линии. Координаты у него есть. Всем, что в запасе есть, пусть лупит. Во второй линии полным-полно германцев, лезут как тараканы, еще пара атак – и не продержимся, патроны на исходе.

– Вольдемар, я с тобой останусь, – Александр сказал это таким решительным голосом, что Владимир не стал его переубеждать, да и времени не было.

– Хорошо, останешься, от меня ни на шаг, а потом решу, куда тебя пристроить. Степан Тимофеевич, Макарыч, милые мои, поторопитесь, времени в обрез.

Макарыч и Грищук вышли из блиндажа. Владимир повернулся к Александру:

– Ты, брат, не переживай, твоих именитых предков Фейербахов тоже наверняка рвало в первом бою. К запаху крови и человеческого мяса нужно попривыкнуть, потом все будет нормально. А сейчас прополощи рот, держи флягу, – он отстегнул от пояса флягу с водой и передал ее Александру, – и все, побежали. Время не терпит.

Они двинулись назад. Семин и Аникеев отбили вторую атаку. У Хижняка тоже было пока спокойно. Немцы не стали рисковать третьей цепью и вернули ее назад в траншею.

– Похоже, что-то замышляют, – сказал Владимир Александру, – посиди пока с ранеными в блиндаже у Семина, я к Хижняку сметаюсь. И не возражай, – сказал он, заметив решительность в глазах Александра, – в любой момент могут начать обстреливать.

Владимир уже подходил к роте Хижняка, как к нему подскочил пробиравшийся оттуда солдат:

– Ваше благородие, я вас ищу. Меня поручик Стеклов к вам послал с донесением.

Владимир остановился:

– Ну, раз послал, братец, давай докладывай.

– Поручика Хижняка убило. Прямое попадание. Блиндаж не выдержал. И все, кто был с ним, тоже погибли, почти взвод. Поручик Стеклов просит патронов и пулемет. И если есть возможность, хоть немного людей, иначе не выстоять, – на одном дыхании выпалил солдат.

– Так, родной, дуй назад к Стеклову, скажи ему, чтобы принимал командование ротой на себя. Патронов пришло позже, у самих нехватка, пусть пока держится. Пусть попробуют поискать в разбитом блиндаже, может, кто раненый или живой остался. Там и патроны должны быть. Пулемет сейчас пришло. Давай, давай, родной, поторопись! – прикрикнул он на солдата, понимая, что реально помочь Стеклову он не может. И теперь правый фланг батальона представлял опасность для всего батальона. И если немцы сейчас ударят туда, то могут легко смять остатки роты.

Владимир едва успел дойти до Аникеева и приказать тому передать один пулемет в распоряжение Стеклова, как началась очередная атака. Основной удар пришелся на роту Белорецкого. Наверное, немцы почуяли слабинку роты, а может, просто хотели нанести сильный удар во фланг, так как с центром не получилось. Рота пока держалась, хотя и из последних сил, как вдруг немцы нанесли второй сильный удар по правому флангу – роте Хижняка. Там им удалось ворваться в траншею. Завязался рукопашный бой. И рота дрогнула, стала выскакивать из окопов и покатила назад, устилая новым слоем мертвых и раненых солдат черное от грязи и крови поле. Не прошло и пяти минут, как попятилась рота Белорецкого. Фланги батальона обнажились. И хотя Аникеев и Семин продолжали держаться, стало ясно, что долго им не выстоять. Владимир метался между ротами, пытаясь организовать оборону, понимая, что еще чуть-чуть – и остатки батальона будут окружены. Чувствовалось явное превосходство немцев в людях. Наконец он решился:

– Ракету, – крикнул он Аникееву, – давай белую ракету на отступление! Отходим!

– Как так? Владимир Федорович, господин капитан! – Аникеев смотрел на него обиженными глазами человека, недавно прошедшего через адский огонь, достигнувшего островка спокойствия, если так можно назвать захваченную траншею, и сейчас вынужденного бросить этот островок по вине других, которые так и не смогли его удержать, как и все прошлые разы. И сейчас он вынужден опять отвести своих солдат, чтобы в следующий раз начать все сначала.

– Господин подпоручик! Немедленно белую ракету в воздух! – громче крикнул Владимир, выводя Аникеева из состояния оцепенения. – Нужно спасти батальон, пока это еще не поздно сделать!

Белая ракета взвилась в воздух, призывая оставшихся солдат вновь покинуть эту печальную проклятую высотку, обильно политую кровью, потом и грязью. Она еще не успела погаснуть, как уцелевшие роты стали оставлять свои позиции, делая это по всем правилам военной науки, не подставляя спин, как это сделали совсем недавно солдаты покойного Хижняка и еще живого, но подавленного Белорецкого. Именно поэтому удалось избежать лишних жертв. После того, как батальон вернулся назад в свои окопы, Владимир приказал готовиться к отражению вражеской атаки, а сам помчался в расположение первой роты, надеясь узнать у Стеклова причину отступления. Однако Стеклова он так и не нашел. Попавшийся навстречу прапорщик Сосновский, представлявший собой комок грязи вперемишку с кровью – только белые крепкие зубы выдавали в нем человека, – доложил, что Стеклов был убит в голову. После этого

в роте началась паника, которую оставшиеся в живых унтер-офицеры не смогли остановить. Он попытался, но был сбит с ног и получил прикладом винтовки по голове, поэтому, пока пришел в себя, чуть не угодил в плен к германцам. Владимир приказал Сосновскому следовать за собой и немедленно помочь привести роту в боевой вид, подготовиться к отражению атаки. Он сам ходил между понурых солдат, расставляя их по боевым местам. Почти половина роты погибла, большая часть именно во время панического бегства. «Эх, – подумал Владимир с горечью, – Хижняк бы такого никогда не допустил, царствие ему небесное». Расставив поредевшую роту, он назначил Сосновского временно исполнять обязанности ее командира и сам спешно двинулся к Семину. В горячке боя он совсем забыл про Александра, и теперь его тревожило чувство, что с Сашей обязательно произошло что-то страшное. Семина Владимир нашел в окопе рядом с Александром. Рота отступила, сохранив свои боевые порядки, и была готова к новой встрече с неприятелем. Александр стоял и что-то записывал в блокнотик.

– Сашка, живой! Прости, дружище, чуть не забыл про тебя! Целый? – Владимир стал пристально рассматривать Александра. Шинель в нескольких местах была рассечена пулями, но крови нигде не было видно.

– А что со мною станется, чертяка ты бешеный, – улыбаясь, ответил Александр, не отрываясь от блокнота, – поручик меня пуще знамени дивизии берег. Вот только на руках еще не носил и древко в задницу не вогнал.

Семин смущенно стоял навтыжку перед Александром.

– Да вы, господин поручик не отвлекайтесь больше на меня, занимайтесь своими делами, – Александр убрал блокнот и повернулся к Владимиру: – Вольдемар, то, что траншею захватили – это плюс, а то, что удержать не смогли, – это огромный минус. Ты уж, брат, не взыщи, но я должен командиру дивизии все доложить, работа такая. Вот только мне непонятно с артиллерией. Ты разобрался, почему в самый ответственный момент пушки замолчали?

– Нет еще. Когда вы к нам перебежали и обстрел начался, то корректировщика и связиста убило. Я послал Гришука к Шварцу на батарею с просьбой срочно ударить по второй линии, но дальше сам знаешь, как обернулось. Видимо, не успел Гришук или случилось что. – Владимир сам был расстроен случившейся неудачей. Первый бой в качестве командира батальона – и такое невезение. Еще впереди разговор с командиром полка, который еще вчера по-отечески наставлял его. Сколько уж быются за эту треклятую высоту, а воз и ныне там. И людей столько полегло зря, и задачу не выполнил. И неважно, что с патронами беда и что артиллерия не поддержала – это уже вторично. На первом месте невыполнение боевого приказа. За это командир полка по головке не погладит. Все знали его крутой нрав.

– Ладно, Вольдемар, дай мне одного провожатого, который знает, где батарея находится, я туда сам зайду. Потом в штаб полка заскочу и в дивизию уеду. Кажется, я не обделался, – довольно заключил он, – предки могут мною гордиться.

– Ага. Еще плюс один портретик в общую галерею Фейербахов, – злорадно добавил Владимир. Он никак не мог успокоиться и простить себе этот бой.

– Не злорадствуй, Вольдемар, я еще художника не нашел, – Александр улыбнулся и подошел к Владимиру. – Ладно, не дрейфь, расскажу начальству, как ты хорошо наступать умеешь, а то, что отошли, это в некоторой степени не твоя вина: отсутствие нормального количества боеприпасов и огневой поддержки со стороны артиллерии.

– Ладно, не утешай, не маленький, – Владимир досадливо поморщился, – провожатого возьми из связистов, они тут все тропы знают. Они рядом с моим блиндажом сидят. Справишься? Позволь я пока порядок наведу в батальоне, неровен час, германцы атаковать начнут.

– Хорошо, найду сам, не кисни, – Александр пожал Владимиру руку и двинулся по траншее.

Владимир же отправился в сторону четвертой роты. Белорецкий нервно курил, сидя на ящике с патронами. Увидев Владимира, он нехотя встал и затушил папиросу.

– Что у вас случилось, Петр Сергеевич? Почему рота побежала? Потрудитесь объяснить! – голос Владимира стал железным.

Белорецкий молча мял папиросу в руке, превращая ее в труху. Стараясь не смотреть Владимиру в глаза, он глухим голосом заговорил:

– Один пулемет заклинило, причем серьезно. Второй расчет убило гранатой. Патронов так и не принесли. Те, что были, закончились подчистую. Потом немцы в окоп стали гранаты бросать и сами прыгать, а мне стрелять-то нечем, а они лезут и лезут. Кто-то завопил и бросился бежать, за ним другие. Удержать не смог. Застрелиться от стыда тоже не смог, нечем было. Чтобы в плен не попасть, пришлось с остальными убираться из траншеи. Если считаете виноватым, отдайте под суд. У меня все.

Он продолжал стоять, не поднимая глаз и рассматривая носки своих не в меру грязных сапог.

– Петр Сергеевич, о вашем проступке я доложу командиру полка, дальше по его усмотрению. А пока будьте любезны подготовить роту к возможной атаке со стороны противника. От командования вас, по-моему, еще никто не отстранял. Выполняйте! – Владимир повернулся и пошел искать Макарыча, все-таки нужно было прояснить ситуацию с подносом боеприпасов.

Макарыча Владимир нашел в блиндаже разведчиков. Тот сидел на нарах, откинувшись на бревенчатую стенку. Сапог левой ноги был снят, санитар заканчивал бинтовать ее. Белый бинт быстро краснел, пропитываясь свежей кровью. Увидев Владимира, Макарыч сделал попытку подняться, но, издав тяжелый стон, опустился на нары.

– Ваше благородие, не дошел. Спешил очень, а тут как назло рядом мина взорвалась, не успел отскочить, по ноге и полоснуло сильно. – Было видно, что Макарыч страдал не только от боли, но от осознания того, что не выполнил приказание, подвел своих. И сейчас он считал себя виновным в отступлении батальона, по его вине не успели поднести боеприпасы.

– Как он? – спросил Владимир у санитара, который, закончив с раной, убирал инструменты в сумку.

– Рана тяжелая, ступню почти оторвало, нужно срочно отправлять в госпиталь, иначе возможно заражение крови и гангрена. В таких условиях рану обработал, как мог, – безучастным уставшим голосом ответил санитар. За этот день он уже достаточно насмотрелся чужой боли и страданий, так что было не до человеческого сожаления. Работа санитара в том и заключается, чтобы подавить в себе всякое человеческое сочувствие, горечь утрат, страх и молча, переживая внутри себя, спасать человеческие жизни, перебегая под пулями и разрывами от одного бедолаги к другому. Бинтовать, вытаскивать, успокаивать и стараться дать солдату новый шанс на жизнь, которую у него с таким остервенением хотят забрать. И каждый раз отдавать раненому частичку самого себя, истощаясь душой и умирая вместо него. Вот поэтому ходят санитары сплошь угрюмые и нелюдимые. Все они изошлись на чужую боль и рано или поздно просто перестают ее замечать, потому что нельзя без конца отдавать свою душу, рано или поздно наступает предел, за которым остается только автоматизм действий.

– Макарыч, дорогой, ты только держись, сейчас же отправим тебя в госпиталь, там тебя быстро на ноги поставят, еще комаринскую плясать будешь. – Владимир чувствовал неловкость по отношению к этому богатырю, так нелепо пострадавшему от его приказа. – Кого за себя оставишь пока?

– Эх, господин капитан, ваши бы слова да Богу в уши, – Макарыч прикрыл глаза, – как я в таком виде Марфе Игнатьевне-то своей покажусь?

– Брось сопли на кулак наматывать, Макарыч, – Владимир повысил голос, стараясь вывести подпоручика из состояния самобичевания, – ты герой, и это никто никогда у тебя не отнимет. Вот и покажешься как герой. Ногу тебе соберут, на рыбалку ходить сможешь, да и на охоту тоже. Марфа Игнатьевна у тебя замечательная женщина, так что бояться тебе нечего. Кого вместо себя оставишь, повторяю?

– Прапорщика Удальцова, толковый он. Из наших, из сибиряков. На него можете полностью положиться, господин капитан, и верить, как мне верили. Он не подведет.

Удальцова Владимир помнил. Это был небольшой крепкий человек с каким-то необычно пронизывающим взглядом. Когда он смотрел на человека, казалось, что он видит все, что делается внутри и дальше за человеком, как будто нет преград его взору. Владимир велел тотчас же вызвать Удальцова, и как только тот явился, приказал принять команду разведчиков и первым делом немедленно доставить в госпиталь своего командира. Затем он горячо попросился с Макарычем, желая тому скорейшего выздоровления, хотя понимал, что с таким ранением тот больше не сможет служить в действующей армии и придется ему с Марфой Игнатьевной теперь существовать на невысокую пенсию по инвалидности.

Затем Владимир вернулся к себе в блиндаж и поручил Семенычу немедленно найти Грищука. Он не мог понять, почему бездействовала батарея Шварца в такой нужный для батальона момент. Грищук появился буквально минут через десять. В распахнутой шинели, тяжело дыша, как будто пробежал большое расстояние, он влетел в блиндаж, вытер пот со лба, залпом осушил полную кружку воды, предложенную ему невесть откуда появившимся Семенычем, и, немного отдышавшись, стал докладывать:

– Был у Шварца на батарее. Тот дал нового корректировщика, но пришел приказ из штаба дивизии о немедленном прекращении огня. Приказ отдал начальник артиллерии дивизии. Дескать, и так снарядов мало, на оборону не хватит. Шварц при мне стал звонить в дивизию, но там его даже слушать не стали. Пообещали, что если произведет хоть один выстрел, то завтра рядовым пойдет в окопы. Он после этого трубку бросил и тут же бутылку водки, не сходя с места, выкушал. Потом сел и заплакал. Ну, я сразу к вам. Пока бежал, вижу, вы уже в свои окопы отступили.

– М-да, – Владимир присел на скамейку у стола, – вот так и воюем. Шварц снаряды, почитай, на себе таскает, и то голову ему намылили за это. В батальоне семьдесят два убитых и почти полторы сотни раненых. Большая часть потерь именно при отступлении. Больше всего не повезло четвертой роте. Да и Хижняка со Стекловым вытащить не удалось. Лежат теперь там, на горочке. Черт подери! – Он ударил кулаком по столу. – Ну когда же закончится это наше исконно русское разгильдяйство?! Неужели нельзя просто обеспечить войска всем необходимым? Неужели опыт окружений до сих пор ничему не научил нас? Разве можно не анализировать все неудачи, чтобы не повторять их больше? Мы как бараны все премся и премся на новые ворота! Голова уже вся в шишках, но нет, мы все лезем и лезем. Интересно, а наши дети, внуки так же будут воевать, не учась ни на наших, ни на своих ошибках? Как ты думаешь, Степан Тимофеевич?

Грищук присел рядышком, залпом осушил еще один стакан воды, предложенный Семенычем, немного подумал.

– Вы знаете, Владимир Федорович, на мой взгляд, не изменится ничего. Опыт всех войн, которые вела Россия, показывает, что мы всегда не готовы к войне. Русский мужик медленно запрягает, да быстро едет. Так что если в дальнейшем войны будут, то нашим потомкам обязательно не поздоровится.

– Вот и я так же думаю, Степан Тимофеевич, только страдает больше всех тот самый русский мужик. Странное дело, его все бьют и бьют, а до конца выбить не могут. Бабы все рожают и рожают. Уже вроде и не от кого скоро будет. Я думаю, еще год-два – и ситуация изменится. Вроде уже запрягли, пора бы и поехать. Наша задача продержаться, да людей побольше сберечь, а то такими темпами после войны и пахать будет некому. Сибиряков-то наших уже по пальцам пересчитать можно. А ведь какие хозяева сильные, на таких вся Россия-матушка держится и вовек держаться будет. Ладно, поговорили и будет, наше дело – воевать. Я пойду к связистам, доложу командиру полка о бое. А вы будьте любезны проверить готовность батальона к обороне. Хотя более чем уверен, что немцы сейчас не сунутся к нам, но мало ли что.

Береженого Бог бережет. Если что, я у связистов. – Владимир надел фуражку и решительным шагом вышел из блиндажа.

Командир полка полковник Василий Емельянович Мясников был по-отечески справедлив и одновременно очень строг. Владимир по телефону доложил ему о ходе боя, об отступлении на исходные позиции. Он не знал, что перед этим Василий Емельянович уже получил разнос от начальника дивизии генерал-лейтенанта Василия Николаевича Братанова за невыполнение боевой задачи, поставленной полку. Надо отметить, что в этот день всей дивизии не удалось продвинуться ни на километр. Батальон Владимира хотя бы побывал в немецких окопах, в других подразделениях все было еще хуже. Большие потери – и никакого продвижения вперед. Немцы, выяснив направление основного удара русской армии, бросили в бой резервы и остановили наступление войск, создав на всем фронте дивизии явное преимущество, умело используя маневр и складки местности, позволявшей надежно обороняться даже довольно небольшими силами. При этом германская армия еще не испытывала нужды в боеприпасах.

Всего этого Владимир, конечно, не знал, поэтому попал прямо под горячую руку полковника. Такого отборнейшего мата он еще никогда не слышал. Сапожники и извозчики краснели бы от стыда и чувствовали себя просто ангелами на фоне разъяренного командира полка. Черты в аду скрипели зубами от зависти, от одного представления смертных мук, обещанных Владимиру полковником, а обозных проституток хватил бы инфаркт от одного представления тех извращений, которые лично полковник собирался устроить с Владимиром и солдатами его батальона. Владимир держал трубку телефона на некотором расстоянии от уха, чтобы не оглохнуть, и порой ему казалось, что сейчас из нее начнут извергаться брызги слюны взбешенного командира полка. Владимир молча слушал монолог, доносившийся из трубки, стараясь не вникать в его суть и думая о насущных проблемах батальона. Минут через двадцать монолог стал затихать, в нем появились первые порядочные слова. Еще через десять минут полковник успокоился и деловым тоном стал задавать вопросы об атаке, о потерях, о наличии боеприпасов. Пообещав помочь со снарядами и с пополнением, он потребовал возобновить атаку завтра утром и занять наконец-то эту высоту.

– Голубчик, поймите, пока мы топчемся на месте, выматывая свои силы, немцы в тылу только укрепляются. Прорыв, нам немедленно нужен прорыв на вашем участке. Завтра утром доложите о выполнении задачи. Надеюсь, на этот раз вы меня не подведете, – совершенно спокойным голосом закончил он.

– Так точно, господин полковник, когда мне ожидать пополнение и боеприпасы? – тут же задал встречный вопрос Владимир.

– С боеприпасами прямо сейчас организую, а пополнение ждите. Как только появится, сразу отправлю к вам. Все. Конец связи, – командир полка положил трубку.

«Значит, пополнения скорее всего сегодня не будет, – размышлял Владимир, направляясь к себе в блиндаж, – опять все своими поредевшими силами придется делать».

Придя в блиндаж, он тут же распорядился:

– Семеныч, через час у меня должны быть все командиры рот, от первой роты Сосновский, от разведчиков Удальцов, не забудь Степана Тимофеевича пригласить и начальника команды связистов. Кстати, сходи к ним, пусть Шварц корректировщика высылает, он мне уже нужен.

– Итак, господа, – начал он, когда все собрались, – задача остается прежней: высота. Завтра она должна быть взята. А теперь будем решать, как нам это сделать.

Глава 2

Высотку взяли тихо и почти без боя. Было еще темно, четыре часа утра, когда Удальцов со своими разведчиками бесшумно сняли часовых. Смирнов с первой штурмовой группой, отобранной из старых солдат, приблизились к окопам первой линии и по общему сигналу вырезали ножами и забросали гранатами почти всех спящих немцев. За это время Владимир с другой штурмовой группой пробился ко второй линии и стали чистить траншею, уничтожая полусонных, мечущихся в панике немцев и заставляя их бежать. Пока немцы пришли в себя, было уже поздно. Через час все было кончено. К половине шестого утра на позиции второй линии подтянулся весь батальон.

Продолжили наступление, и почти пять километров батальон двигался по раскисшей дороге, практически не встречая сопротивления, если не считать мелких стычек с отступавшим врагом. Потом впереди, на очередном холме, показалась еще одна линия окопов, которая свежими черными незамаскированными брустверами выделялась на фоне вчерашнего выпавшего и еще не успевшего растаять снега, перерезая дорогу и снова упираясь обоими концами в непролазные белорусские болота. О существовании этой линии узнали только вчера, когда ее заметил с воздуха совершающий разведывательный полет аэроплан. Немцы спешно возводили ее, наверное, уже не особо надеясь на первые две. Для Владимира это было неприятным сюрпризом. Да и командирам рот это известие энтузиазма не прибавило, все считали, что с взятием высоты дальше верст на двадцать никаких укреплений у немцев нет.

Батальон остановился и принялся закапываться в землю. Рыли траншеи, утопающие в весенней грязи, укрепляли их свежесрубленными деревцами, устанавливали пулеметные гнезда, строили блиндажи, щели, перекрытия. Все как обычно. Жизнь пехоты только и состоит из бесконечных атак, наступлений, переходов и окапываний. Потихоньку подтягивались тылы, переваливаясь на ухабах и постоянно застревая в грязи, добрались полевые кухни и спрятались в ближайшем лесочке. Шварц тоже переместил свою батарею поближе к переднему краю, выбрав для этих целей старые обустроенные позиции немецких артиллеристов. Война жила своей жизнью. Владимира вызвал к телефону командир полка и своим обычным строгим голосом приказал готовить наступление на завтрашнее утро. А перед этим принять пополнение, что несказанно обрадовало Владимира, так как в последних боях батальон понес значительные потери, которые нужно было срочно восполнить. Иначе об успешной атаке не могло быть и речи.

Владимир вызвал Удальцова и распорядился ночью выслать разведчиков к вражеским позициям, установить расположение пулеметных точек, а также попробовать отыскать проход в болотах. Его не оставляла мысль зайти немцам во фланг и внезапным ударом выбить их из этих свеженьких окопов. Это помогло бы избежать лишних жертв при проведении атаки в лоб. Также приказал собрать команду из обозников и захоронить всех своих солдат, погибших за взятую высоту, устроив для них одну большую братскую могилу прямо на вершине. Пусть в этой могиле лежат вместе и солдаты, и офицеры, а сверху поставить большой деревянный православный крест. Немцев же закопать отдельно, и креста им не ставить, пусть так и догнивают в чужой для них земле, на которую пришли захватчиками.

Ближе к вечеру Владимир отправился в тыл, чтобы принять пополнение. Обычно пополнение передавали километрах в трех от передовой. На этом настоял Владимир, он хотел сам посмотреть на тех, с кем ему придется воевать, на свежие боевые единицы, большая часть из которых погибнет в первом же бою. Остальные во втором или третьем. Но зато из тех, кто смог продержаться неделю и более в условиях непрерывных боев, шло формирование самого костяка батальона. Это был тот костяк, на который всегда можно было положиться, костяк, состоящий из солдат с обостренным инстинктом самосохранения, сумевших перебороть жут-

кий страх первых атак, совершивших первое убийство врага и научившихся не просто убивать противника, но видеть и слышать то, что творится вокруг. Дальше таким было легче. Убийство уже не казалось им каким-то сложным, непреодолимым действием, противоречивым божьей заповеди «не убий». Оно расценивалось всего лишь как суровая работа и воспринималось естественным принципом: если не ты, то тебя. Люди учились выживать, шел естественный отбор. Выживали не самые удачливые или умные, выживали те, кто смог быстрее всех приспособиться, принять и впитать всю незримую философию войны.

Пополнение было выстроено в шеренгу по два. Всего было около двухсот человек, хорошая добавка поредевшему батальону. Владимир молча шел вдоль строя, всматриваясь в лица этих людей, для которых становился роднее матери с отцом, в лица крестьян, ремесленников, рабочих, которых война вырвала из привычного уклада жизни, заставила надеть форму и отправиться на смерть, обрекая свои семьи на мучительно тяжелое одинокое существование. Люди стояли, тревожно вслушиваясь в близкое дыхание фронта, жившего своей жизнью. Вдруг он увидел чудо. Чудо стояло, переминаясь с ноги на ногу.

– Твою ж мать! – выругался в сердцах Владимир.

Пожалуй, это был самый нелепый солдат всего Западного фронта, да и, наверное, всей российской армии. Маленький, про таких обычно говорят «метр с кепкой», сутулый, тщедушный (и в чем только душа держится), лопоухий настолько, что, казалось, научись он махать ушами, то мог бы и взлететь. Большой загнутый орлиный нос несуразно выделялся на худеньком мальчишечьем прыщавом лице. Вдобавок это лицо дополняли круглые очки с большими линзами в толстой роговой оправе, сквозь которые виднелись карие близорукие глаза. Интендант тоже, похоже, шутник попался, выдав ему обмундирование размера на два больше. И сейчас солдат был похож на чучело в своей висящей шинели, края которой волочились по земле, рукава были такие большие, что пальцы тонули где-то в их бездонной глубине. Большие ботинки делали солдата похожим на циркового клоуна на арене. Обмотки на ногах были намотаны кое-как. Венчала это чудо огромная шапка, которая то и дело спадала на глаза, сдвигая очки вниз, и солдат все время ее поправлял, а она снова падала, и он снова без конца ее поправлял. Было видно, что винтовка, которую солдат держал на плече, составляет для него большую тяжесть. «И как он с ней только дошел досюда, – мелькнуло у Владимира в голове, – м-да... Аника-воин... И за что ж мне такое невезение?»

– Твою ж мать, – снова громко выругался Владимир, – кто таков? – спросил он, обращаясь к солдату.

– Штольман Мойша, господин командующий, – высоким писклявым голосом ответил тот, в очередной раз поправляя шапку.

– Не лъсти мне, солдат! Когда мне понадобится подхалим, я сам тебя вызову! Как нужно обращаться к офицеру?

Ничего кроме смеха этот солдат у него не вызывал. Хотя Владимир прекрасно понимал, что завтра утром этот солдат идет в бой, из которого шансов выйти у него нет никаких.

Штольман густо покраснел, скукожился еще больше, словно хотел раствориться и исчезнуть в окружающем его строю. Затем, что-то обдумав, глядя на Владимира, пропищал:

– Простите великодушно, ваше благогодие, гядовой Штольман Мойша!

Оказалось, что он еще сильно картавил, что делало его писклявый голос еще более неприятным.

– И откуда ты такой будешь, рядовой Штольман Михаил? Годков-то тебе сколько?

– Двадцать лет, ваше благогодие. Из местечка Глубокое Витебской губегнии.

Владимир изумился:

– Так там же германцы сидят в твоём Глубоком!

Штольман грустно улыбнулся, обнажив кривые зубы:

– Таки я пегед войной в Великие Луки пегебгался. Оттуда и пошел в агмию довговольцем.

– Гришук, – обратился Владимир к поручику, который сопровождал его в этом мероприятии, – этого клоуна переодеть. Подберите ему что-нибудь подходящее, а то он не только армию позорит, но и нас своим видом. Да и перед германцами будет стыдно. Еще подумают, что совсем у нас дела плохи, раз таких уже в армию стали брать.

– Ваше благородие, – Гришук немного наклонился к уху Владимира, чтобы не слышали другие, – а может, смысла в этом нет? Завтра утром атака... – многозначительно сказал он. Он тоже прекрасно понимал простую истину: шансов у Штольмана нет никаких, разве только если не вмешается еврейский бог и не сотворит свое чудо.

– Поручик, делайте что приказано, мне в батальоне чучело не нужно! – с раздражением ответил Владимир и пошел дальше вдоль строя. Он знал, что Гришук прав на все сто процентов, и знал, что ничего не может сделать для того, чтобы изменить приготовленную участь Штольмана. Чем он лучше всех этих Иванов, Никодимов, Осипов, которые сейчас стояли перед ним и чьи судьбы были втянуты в безжалостные жернова войны?

«М-да... – думал про себя Владимир, обходя строй, – скоро действительно в матушке России никого не останется с такими потерями. Одни слишком молодые, эти сразу начнут лезть на рожон, их в первую очередь и перебьют. Вторые слишком старые, семейные, этим совсем помирать не хочется, так как за плечами жены и дети. Этих в атаку и не поднимешь без плети».

Он еще раз прошелся вдоль строя, внимательно всматриваясь в каждого солдата и в силу своего окопного опыта про себя сразу отмечая, кто из них сможет пережить завтрашний день. Он знал, что сейчас две сотни взволнованных испуганных глаз пристально наблюдают за каждым его движением, две сотни пар ушей внимательно прислушиваются к каждому его слову. Владимир знал, что именно в эту минуту он становился для стоящих перед ним людей выше их отцов и матерей, выше всех командующих, выше государя императора, выше самого господ Бога. Но это не грело его душу, как это часто происходит с честолюбивыми людьми, скорее это взваливало на его плечи дополнительный тяжелый груз ответственности за их жизни. Он знал, что завтра большая часть этих людей будет мертва. Они слоем неживой плоти покроют поле между окопами, готовя место для следующих. Но в его власти дать им возможность продлить свою жизнь, если они доверятся ему, услышат его советы, смогут преодолеть дикий страх, который скует их, когда ноги и руки становятся ватными, непослушными, когда человек ищет спасения в земле, к которой тянется всем своим естеством, еще не зная, что в этом месте земля является не спасением, а всего лишь очередной ловушкой, которую подстроила коварная смерть, витающая на своих черных крыльях рядом и забирающая себе новые и новые жертвы. Завтра сама природа заставит пройти всех этих людей через естественный отбор, после которого который человек перестает быть прежним. И уже никогда – ни на войне, ни после нее – он не сможет быть таким, каким он был раньше и каким он стоит сейчас в строю. Меняется сама человеческая сущность. Она делится на две половины: до и после. И сейчас все эти люди, стоящие перед ним в молчаливом строю, сами того не зная, находятся как раз на этой незримой границе, еще не вполне осознавая, что само их существование уже предопределено.

Владимир вышел на середину строя, заложил руки за спину и немного постоял, оценивая пополнение в целом. Затем он начал говорить, чеканя каждое слово. Так, чтобы все сказанное им прочно вошло в сознание стоящих перед ним людей, заставив их безгранично поверить говорившему, полностью положиться на его железную волю.

– Солдаты, братья! Я не буду рассказывать вам о подвигах, которые вы должны совершить во имя Отечества, о том, что вы должны положить свои головы ради спасения нашей Родины! Вы сами видите, что враг находится на нашей земле. Он грабит, убивает, насилует наш народ, ваших родных и близких! Наши братья и сестры, матери и отцы находятся под игом проклятого врага! Вдумайтесь, как тяжело им там без нашей помощи! Как сильно они нас зовут, просят освободить от германца, пришедшего на нашу с вами землю!

С этой минуты вы становитесь солдатами первого батальона 27-го стрелкового Сибирского полка. И я, ваш командир, Новицкий Владимир Федорович, с этой минуты заменяю для вас отца, мать и господ Бога. Все, что я сейчас скажу, должно выполняться беспрекословно. И от этого беспрекословного подчинения зависят ваши жизни. Мне плевать, кем вы были в прошлой жизни, сейчас вы все для меня равны.

Завтра у вас первый бой, – продолжил он более спокойным голосом, однако так, чтобы было слышно всем, – после небольшой артиллерийской подготовки мы начнем атаку. Каждый из вас будет находиться в цепи. И от вашей слаженности, от вашей скорости и от вашей обученности зависят наш общий успех и ваши жизни.

Владимир прошелся вдоль строя, выдерживая небольшую паузу, чтобы дать солдатам осознать неизбежность происходящего и поверить в серьезность его слов, затем он начал говорить резко, по-деловому:

– После того как ваши командиры дадут сигнал к атаке, ваша самая первая и главная задача будет заключаться в том, чтобы вылезти из окопа и занять свое место в цепи.

Из строя раздался легкий смешок.

– Кто смеялся, немедленно выйти из строя на два шага! – рявкнул Владимир.

Последовала небольшая пауза, затем из строя неуверенно вышел солдат. Владимир подошел поближе. «Типичный доброволец, попавшийся на удочку ловких агитаторов, романтик сопливый», – с неприязнью думал Владимир, осматривая вышедшего солдата. Солдат был молодой, на взгляд ему не дашь более двадцати лет. Высокий и тощий, от этого немного сутулый, что только подчеркивала сидящая на нем мешковато шинель. Но в глазах читался молодой, еще не заостеневший от обыденности ум, свойственный студентам или начинающим инженерам.

– Фамилия?!

– Рядовой Румянцев, – ответил солдат, смело глядя в глаза Владимиру.

– Как оказались в армии?

– Пошел добровольцем. До этого учился в Михайловском артиллерийском училище, отчислен после первого курса!

– Причина отчисления?

– Личные обстоятельства. Ваше благородие, позвольте не распространяться на эту тему, здесь замешана честь дамы.

Румянцев отвечал четко, лаконично и грамотно, что понравилось Владимиру. Однако последняя фраза о чести дамы сразу изменила его отношение к говорящему.

– Солдат, мой вам совет на будущее: если в деле замешана дама, то держите свой рот на замке, а не кичитесь этим, это не делает вам чести, – негромко произнес Владимир, глядя на солдата, затем спросил, повысив голос до громкого: – Так что же вас так рассмешило в моей последней фразе?

– На мой взгляд, выпрыгнуть из окопа – это самое легкое занятие из всех. Мы это проходили. Тут нет ничего сложного, – громко ответил Румянцев, поглядывая на строй, видимо, ожидая поддержки со стороны будущих сослуживцев. Строй зашевелился, на лицах солдат стали появляться улыбки.

– Вы совершенно правы, Румянцев, – спокойным голосом ответил Владимир, – нет ничего легче, чем совершить это первое движение: по сигналу выпрыгнуть из окопа.

В глазах Румянцева сначала появились удивление и скрытая радость, дескать, уделал окопника. Строй, вторя ему, тихонько зашумел. Кое-кто начинал спорить с соседом, доказывая ему, что все не так уж просто, раз сам командир сказал, что непросто. Кто-то стал потихоньку хихикать над комичностью сложившейся ситуации. Владимир помолчал. Затем, глядя в глаза Румянцеву, громко сказал:

– Да, еще раз повторяюсь, это самое простое, что может сделать солдат. Но вы не на тренировочном поле и не на учении. Завтра вам придется делать этот шаг, не зная, что вас ждет впереди! Вы будете делать этот шаг под звуки снарядов и хлопки мин, под пулеметные очереди, которые будут бежать только к вам одному. Именно так вам будет казаться в этот момент, что все оружие мира направлено именно на вас одного. И вы должны во что бы то ни стало сделать этот шаг. Кто не вылезет завтра из окопа сам, того вышвырнут ваши командиры и старослужащие солдаты, им такие полномочия я дал. И попробуйте вы, Румянцев, завтра не вышвырнуть свое тощее тело из окопа после свистка. Я сам, лично, дам вам такого пинка, что вы будете катиться кубарем до самых немецких окопов. А теперь встаньте в строй и внимательно слушайте, о чем вам говорят старшие товарищи. А теперь слушаем дальше, – продолжал Владимир, глядя, как уверенно Румянцев занимал свое место в строю. «М-да... хоть чему-то научили в училище, хотя лучше бы научили с винтовкой по грязи ползать», – тут же подумалось ему. Дождавшись, пока Румянцев повернется к нему лицом, Владимир начал говорить дальше:

– Итак, еще раз повторяюсь: самым трудным для вас будет выйти из окопа и занять свое место в цепи. Дальше будет легче.

«Хотя какое там легче, – тут же пришло на ум, – дальше вас начнут убивать, разве это может быть легче?»

– После того как цепь будет развернута, мы начинаем движение в сторону вражеских окопов. – И дальше Владимир стал подробно рассказывать то, что придется делать солдатам завтра. Он отлично осознавал, что пополнение ничему не было обучено. В лучшем случае показали, как пользоваться винтовкой. Именно эта спешка, с которой неподготовленных солдат бросали в бой, и приводила к такому количеству ненужных потерь. Владимир понимал, что за несколько часов он не сможет получить из неподготовленного пополнения подготовленных солдат, но дав им хоть какие-то начальные знания, можно рассчитывать, что в трудную минуту они кому-то помогут, и это спасет ему жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.